

## СТРУКТУРА И ЧИСЛЕННОСТЬ НОВГОРОДСКОГО ВОЙСКА В XIII-XV ВЕКАХ

**Аннотация:** Данная работа описывает организационную и социальную структуру новгородского войска периода Новгородской республики, опираясь на анализ источников XI-XV веков. Исследуется вопрос о численности и организационном устройстве разных частей войска, о роли в нем дворян и ополчения. Исследуется вопрос о составе и числе профессиональных воинов и ополченцев в составе войска, об изменениях, происшедших в войске на протяжении XIII-XV веков. Рассматривается вопрос о том, какими частями войска руководили князь,

посадник, тысяцкий. Также рассматривается вопрос о роли военных гарнизонов и роли ушкуйников в новгородском войске. Подробно анализируется социальная и экономическая база для образования в Новгородском войске многочисленного конного ополчения в XV веке.

**Ключевые слова:** Великий Новгород, войско, ополчение, князь, посадник, тысяцкий, сотский, военачальник, дворяне, данщик (сборщик налогов), ушкуйники, конное ополчение, численность войск, XIII век, XIV век, XV век.

### Князья и их дворяне в составе новгородского войска

Самой профессиональной и боеспособной частью новгородского войска на протяжении всего его существования были князья и их личное войско, в ранний период часто называемое в источниках княжеской военной дружиной, но уже с XII в. все чаще именуемое «княжеским двором». Например: «Иде князь Ярослав Пльскову на Петров день, и новгородьци вьмале; а сам седе на Пльскове, а двор свои послав с пльсковичи вое-

вать»<sup>1</sup>. Здесь «двор» князя участвует в войне как военный отряд, действующий совместно с псковским ополчением. Причем «двор» послан на войну лично князем. «Двор» — это личное войско князя, которое в современной историографии принято называть княжеской дружиной. Вот еще один пример, иллюстрирующий отношения князя со своим двором: «А по Крещении Петр митрополит приеха в Брянск, а князь Василей приде ко Бряньску ратью

<sup>1</sup> ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее НПЛ). М.; Л., 2000. С. 40.

тотарскою на Святослава, митрополит же рече Святославу: поделися, сыну, с Васильем княжением, или бежи из града. Святослав же надеяся на свое мужество и рече: брянци мя, господине, не пустят, хотят за мене головы своя покласти. И не послуша митрополита, отца своего, слова, и бився много своим двором и убиен бысть»<sup>2</sup>. Мы видим, что войско Брянска состояло из городского ополчения (брянцев) и князя с его двором (личными воинами, дружиной). Причем сражаться за князя в описанной ситуации стали лишь воины его двора.

Производным от княжеского двора является термин «дворяне». Например, в грамоте Новгорода тверскому великому князю Михаилу Ярославичу, датируемой 1304-1305 гг., среди ограничений, накладываемых на князя, упоминается: «А закладников ти не приимати, княже, по всеи волости Новгородской, ни княгыни твоеи, ни бояром твоим, ни дворяном твоим»<sup>3</sup>. Такого рода ограничение встречается и во множестве других договоров, заключавшихся Новгородом с новгородскими князьями вплоть до конца существования Новгородской республики.

Так как князь был главой судебной системы города, княжеские дворяне выполняли работу судебных исполнителей, получая от этой деятельности доход, регламентированный рядом статей Русской Правды и иных законов.

Описывая состав того или иного войска, летописец, как правило, просто перечислял имена входящих в него князей. То, что

<sup>2</sup> ПСРЛ. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки (далее ЛА). М., 2000. Стб. 58.

<sup>3</sup> Грамоты Великого Новгорода и Пскова (далее ГВНП). М.-Л., 1949. С. 16-18.

каждый из названных князей участвовал в военном походе и сражении не в одиночестве, а в окружении своего личного войска — своего двора, было для современников столь естественным и привычным, что об этом часто не упоминалось в летописях, если в таком уточнении по ходу повествования не возникало специальной необходимости.

С XIII века всё чаще интересы новгородского князя в Новгороде представляет княжеский наместник, а сам князь со своим двором присоединяются к новгородскому войску лишь в экстренных случаях, порой приводя с собой еще и какие-то союзные силы. Например, в 1234 г. «Иде Ярослав с новгородци и со всею областью новгородскою и с полкы своими на Немци под Юрьев»<sup>4</sup>. В 1242 году «Поиде князь Александр с новгородци и с братом Андреем и с низовци на Чудскую землю на немци в силе велице»<sup>5</sup>. В подобных случаях, кроме новгородского ополчения и княжеского двора новгородского князя, в походе участвуют еще и различные союзные контингенты — дворы других князей, а порой, видимо, даже городские или земельные ополчения других земель. Все эти союзные контингенты, конечно, уже нельзя рассматривать как составную часть новгородского войска. И даже личное войско-двор «приходящего» новгородского князя в таких случаях уже не вполне корректно рассматривать как составную часть новгородского войска.

В то же время наместник новгородского князя постоянно присутствует в Новгороде, проживая на Городище (современное «Рюриково городище»). В проекте

<sup>4</sup> НПЛ. С. 283.

<sup>5</sup> НПЛ. С. 295.

договора Новгорода с польским королем и литовским князем Казимиром за 1471 г. оговаривается численность княжеских сил, которые должны находиться в непосредственной близости от Новгорода: «А наместнику твоему, и дворецкому, и тиуну быти на Городище в пятидесяти человек»<sup>6</sup>. Видимо, и на протяжении всего исследуемого периода нормой было постоянное присутствие при князе или при его наместнике в Новгороде только такого небольшого военного отряда. Просто его численность прежде, в других договорах, прямо не оговаривалась, т. к. была сложившейся традицией, не требовавшей специального уточнения.

Дворы самих новгородских князей, прежде постоянно находившихся в Новгороде, судя по дошедшим до нас данным, не превышали нескольких десятков воинов. С момента, когда изгнание одного князя и призвание на его место другого стали в Новгороде частым явлением, сложилась практика ареста прежнего князя и содержания его под стражей до прихода в город нового князя. При этом арестовывали «уволненного» князя со всеми его родственниками и «с мужи его». Арестованный князь не мог активно противодействовать призыванию нового князя, не мог устроить гражданской смуты в Новгороде, не мог уехать в свой удел и, подняв там крупные военные силы, напасть на Новгород, пока город оставался без князя.

Так, в 1136 г. «новгородьци призваша пльскович и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода, и въсадиша в епископль двор, с женою и с детьми и с тещею, месяца мая в 28; и стражье ст-

режаху день и ночь с оружием, 30 муж на день»<sup>7</sup>.

В 1142 г. «и услышаша Новегороде, яко Святопѣлк идет к ним с всеми людьми их, и яша Ростислава, и въсадиша в епископль двор, седевьша 4 месяца. В то же лето въниде Святопѣлк Новугороду, 19 априля; и пустиша Ростислава к отцю»<sup>8</sup>.

В 1160 г. «Прияша новгородци Святослава Ростиславица, и послаша его в Ладогу, и княгню впустиша в монастырь святыя Варвары, а дружину его в погреб всажаша»<sup>9</sup>. Тут князя не только подвергают аресту, но и высылают из города. Заметим, что в погреб заточена вся «дружина» князя. Видимо, личное войско Святослава Ростиславича было крайне немногочисленным, если их всех уместили в погребе — наверняка одной из построек владычного двора. В 1210 г. «Святослава посадиша в владыщни дворе и с мужи его, донеле будет управа с отцем»<sup>10</sup>.

В «Предисловии к Начальному своду конца XI в.» новгородский летописец с ностальгией описывает порядки, существовавшие «прежде»: «теи бо князи не збираху многа имения, ни творимых вир, ни продаж въскладаху люди; но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружине на оружье. А дружина его кормяхуся, воююще иные страны и бьющесе и ркуще: «братие, потягнем по своем князе и по Руской земле»; глаголюще: «**мало есть нам, княже, двусот гривен**». Они бо не складаху на своя жены златых обручей, но хожяху жены их в серебряных»<sup>11</sup>. Выделенный фрагмент явно нарушает

<sup>7</sup> НПЛ. С. 24.

<sup>8</sup> Там же. С. 26.

<sup>9</sup> Там же. С. 30.

<sup>10</sup> Там же. С. 51.

<sup>11</sup> НПЛ. С. 104.

<sup>6</sup> ГВНП. С. 130.

образ идеальных воинов прошлого и, скорее всего, относится к современным летописцу дворянам новгородского князя. Именно полемике с современными, «корыстными» княжескими воинами посвящен данный летописный отрывок. Нам он интересен тем, что в нем упоминается сумма (двести гривен), бывшая, видимо, обычной платой, которую Новгород выделял на содержание княжеского войска во время написания приведенного отрывка.

Судя по следующему пассажиру «Предисловия» («За наше несытоство навел бог на ны поганья, а и скоты наши и села наша и имения за теми суть, а мы своих злых дел не останем»<sup>12</sup>), этот отрывок был написан в XIII в., вскоре после татаро-монгольского нашествия. В то же время в новгородской берестяной грамоте № 788, датированной XII в., говорится о жаловании «гридям»: «А гридям две с половиной гривны жалования же...»<sup>13</sup>.

Таким образом, мы имеем возможность узнать численность княжеских воинов — гридней в XII-XIII вв., исходя из формулы  $200/2,5 = 80$  человек. Учитывая, что двухсот гривен княжеским воинам XIII в. было уже мало, и что за 100 лет стоимость услуг воинов, скорее всего, могла только вырасти, мы можем утверждать, что двор князя в Новгороде XIII века содержал не более 80 дворян. Это косвенно подтверждает, что численность княжеских дворян, в отсутствие князя находящихся при княжеском наместнике, на Городище, была порядка 50 человек, как это и указано в договоре 1471 г.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 413.

Дворяне, как должностные лица, выступающие в качестве судебных исполнителей, упоминаются в ряде берестяных грамот. В новгородской берестяной грамоте № 531 сообщается: «...Я шлю 4 дворян за гривнами серебра», т. е. чтобы они взяли положенный штраф<sup>14</sup>.

В берестяных грамотах Старой Русы №№ 6, 7, 8, 15 упоминаются «отрок» и «детский» в качестве судебных исполнителей, обеспечивающих взимание установленных законом штрафов. Возможно, это просто другое название тех же княжеских дворян. Так в новгородской берестяной грамоте № 222: «Я даю княжескому детскому гривну серебра и еду с ним, потому что они поставили меня (своим за пирательством) в положение вора»<sup>15</sup>.

### **Контингенты не княжеских новгородских дворян**

Смещенного князя и его дворян держали под арестом (порой по несколько месяцев) на владычном дворе, причем у новгородцев было достаточно военной силы, чтобы сторожить пленников. В эпизоде 1136 г. говорится о сменной страже день и ночь, по 30 мужей в день. Вряд ли в более поздних эпизодах арестованный князь и его двор охранялись меньшим количеством стражей.

Заметим, что организовать такую многомесячную сменную стражу можно силами от 60 до 100 профессиональных воинов (каждый страж должен иметь хотя бы двух, лучше трех сменщиков + небольшой резерв — на случай болезни, сроч-

<sup>14</sup> Там же. С. 416-417.

<sup>15</sup> Там же. С. 442.

ной отлучки и для того, чтобы стража не переутомлялась от слишком длительных и частых дежурств).

В ходе развития общественных отношений в Новгороде князь постепенно утрачивал часть своих полномочий. У него оставалось всё меньше рычагов для управления и всё меньше способов сбора с новгородцев денежных средств. Так, в 1229 г. новгородцы предъявили князю Ярославу ультиматум: «поеди к нам, забожнице отложи, судье по волости не слаги; на всеи воли нашей и на всех грамотах Ярославлих ты наш князь; или ты себе, а мы себе»<sup>16</sup>.

То есть они потребовали от князя отмены одного из налогов и отказа от княжеских судов в волостях. Этот ультиматум был следствием всплеска народного возмущения. Видимо, Ярослав злоупотреблял своими полномочиями, и именно это вынудило новгородцев поставить князю такие дополнительные условия.

Князья и их двор, с одной стороны, были необходимы Новгороду как профессиональные воины, как судьи и как символ легитимности власти, но с другой стороны, борясь с постоянными попытками князей усилить свою власть, новгородцы были вынуждены создавать параллельные княжеским структуры, как управленческие, так и военные: для того, чтобы иметь противовес немногочисленному, но профессиональному княжескому двору, им приходилось содержать постоянную стражу, хотя бы на период ареста князя. Для того, чтобы заменить княжеских судей и судебных приставов, новгородцы создали аналогичный институт судей и судебных приставов, не подчиняющихся

князю. Это так называемые «новгородские дворяне», то есть профессиональные воины, которые на подчиняющейся Новгороду территории, согласно Правде Русской, выполняли работу судебных исполнителей, не являясь при этом дворянами новгородского князя. Логичным будет предположить, что численность этих «новгородских дворян» вряд ли сильно превышала численность княжеских дворян при новгородском князе или его наместнике. Аналогично княжеским дворянам, находившимся в подчинении князя или его наместника, «новгородские дворяне», видимо, находились в подчинении новгородского посадника, как лица, ведущего в Новгороде совместный суд с князем или княжеским наместником: «А бес посадника ти, княже, суда не судити...»<sup>17</sup>. С развитием института «новгородских дворян» на протяжении XIII-XV вв. могли возникнуть и другие их категории, для обеспечения охраны и исполнения судебных решений различных новгородских выборных магистратов.

В Новгородской судной грамоте — документе XV века в одной из статей перечисляются все категории судебных исполнителей Новгорода XV века: «А кто с кем пошлется на послуха, ино взять заклад шестнику на сто верст по старине, а подвоиским и софьяном и биричем, и изветником на сто верст четыре гривны»<sup>18</sup>.

Здесь только «шестники» (т. е. иноземцы) — это княжеские дворяне, находящиеся в подчинении князя или его наместника. Для них оплата работы определяется «по

<sup>16</sup> НПЛ. С. 67.

<sup>17</sup> ГВНП. С. 12, и далее в договорах Новгорода с князьями.

<sup>18</sup> Памятники Права Феодально раздробленной Руси (XII-XV вв.). М. 1953. С. 215.



старине», а для всех остальных — дворян-судебных исполнителей, находящихся в юрисдикции Великого Новгорода, она определяется новгородской судной грамотой. «Софьяне» здесь, видимо, дворяне, находившиеся на службе «Дома святой Софии», то есть в подчинении новгородского Архиепископа — Владыки. В некоторых источниках встречается название «владычные молодцы», под которым, видимо, скрываются те же самые софьяне. В частной переписке М. А. Несин обратил мое внимание на то, что в 1451 г. архиепископ Евфимий II построил на владычном дворе в Детинце «чашницу камену и молодецкую»<sup>19</sup>. В ту же осень постройка обрушилась («падеся»), и на следующий год владыка поставил «чашьницу камену и молодецкую на другой рядь»<sup>20</sup>. Таким образом, мы видим, что по крайней мере с середины XV века на владычном дворе находилось постоянное каменное жильё для «молодцев» владыки, то есть для лично ему подчинявшихся воинов. Возможно, помещение для их проживания присутствовало во владычном дворе и раньше, но в виде менее капитальной, деревянной постройки. Вряд ли численность софьян, проживавших в такой единичной каменной постройке, превышала несколько десятков человек.

«Софьяне», по аналогии с княжескими «дворянами», могли быть профессиональными воинами личной охраны новгородского архиепископа. Они выполняли функции судебных приставов в случаях, когда судебное дело подпадало под юрисдикцию архиепископа. Эти «владычные молодцы» участвовали также в военном

походе на Ржеву в 1435 г.<sup>21</sup> В 1462 г. «люди владычные» участвовали в походе новгородцев на Выборг<sup>22</sup>. В ходе конфликта наместника новгородского архиепископа во Пскове с псковичами произошло военное столкновение псковичей с софьянами: «оучял наместник его соуд соудити не по псковской пошлине, оучял посоужяти роукописанья и рядници, а иное оучяли диаконов сажяти у гридницу, а все то оучял десяти новину, а стариноу покиноув; а псковичи перед прави, и попове за его подъезд и оброк не стояли, но стало по грехом и по дьяволу навоженью, стал бои псковичам с софьяны»<sup>23</sup>. Этот эпизод показывает, что софьяне — вооруженные воины, способные вступить в сражение даже с численно превосходящим противником. Вывод М. А. Несина о том, что софьяне, будучи судебными приставами и военной охраной новгородского архиепископа и его наместников, носили при этом духовный сан<sup>24</sup>, сделанные им на основании того, что псковичи сожалеют о самом факте военного столкновения, не представляется обоснованным. Исследователь считает, что псковский летописец сожалеет о военном столкновении именно из-за того, что пришлось сражаться с лицами, имеющими духовный сан. Но для сожалений о военном столкновении было и множество других причин. Сам по себе во-

<sup>21</sup> НЧЛ. С.453.

<sup>22</sup> ЛА. Стб. 210.

<sup>23</sup> ПСРЛ. Т.V, вып. 2. Псковские летописи (далее ПЛ). М., 1955. С. 131. Подробный анализ причин конфликта см.: Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. М., 2008. С. 264-266.

<sup>24</sup> Несин М. А. Из истории новгородского владычного дома XII — начала XVI в. Valla. 2018. Т.4. №5. <http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/187>.

<sup>19</sup> ЛА. — Стб. 193.

<sup>20</sup> Там же.

енный конфликт с людьми человека, возглавлявшего псковскую церковную организацию, был достоин сожаления. Мало того — достойно сожаления было уже то, что в мирное время произошло военное столкновение между представителями соседних, в целом дружественных союзных городов, что конфликт из юридической плоскости перешел в силовую. В то же время, если бы софьяне были людьми духовного чина, то они бы просто не имели права вступать в военный конфликт. Наоборот — софьяне должны были быть людьми светскими, именно для того, чтобы на законных основаниях вступать в военные столкновения для защиты священнослужителя высокого ранга или его представителя, и для приведения в действие его судебных решений, в том числе и с применением оружия.

В рядной крестьян Робичинской волости с Юрьевым монастырем о повинностях и дарах<sup>25</sup> упоминаются входящие в состав свиты архимандрита молодцы, составлявшие его личную охрану. Неизвестно, входила ли охрана архимандрита в состав подчинявшихся владыке софьян или была совершенно отдельной группой профессиональных воинов.

Упомянувшиеся в новгородской судной грамоте и ряде летописных сообщений новгородских и псковских летописей подвойские, биричи и изветники — это также разные категории новгородских дворян, выполнявших работу судебных исполнителей, аналогичную работе княжеских дворян, в рамках своих полномочий. Подвойские, биричи и изветники находились, видимо, в подчинении посадника, тысяцкого, а возможно, и иных

должностных лиц Новгородской республики. Судебные полномочия посадника, совершавшего суд совместно с княжеским наместником, тысяцкого, вершившего торговый суд, архиепископа, вершившего церковный суд, владычных наместников и местных посадников в городах-пригородах Новгорода — вот список лиц, полномочия которых подразумевали необходимость для них иметь некоторый штат судебных исполнителей — для вызова свидетелей или обвиняемых в суд, для взыскания штрафов, для ареста подозреваемых, для охраны подозреваемых, свидетелей, судей, охраны места суда и для иных действий судебного исполнения и охраны представителей власти.

Численность и особенности работы каждой из этих групп новгородских дворян пока не до конца ясны, но, ориентируясь на примерно установленную численность княжеских дворян (от 50 до 80 человек), можно сделать предварительный вывод о том, что общая численность различных категорий дворян, перечисленных в новгородской судной грамоте, составляла порядка 300 человек. Мало того, «дворянами» их будет корректно называть только по аналогии с княжескими дворянами, из-за функции судебных исполнителей, идентичной функциям княжеских дворян.

Возможно, иногда всех судебных исполнителей в республиканском Новгороде называли обобщающим словом «дворяне» — не всегда очевидно из контекста, о княжеских или о новгородских дворянах идет в источнике речь. В результате, совершенно точно можно утверждать, что речь в источнике идет о каком-то виде именно новгородских дворян только в случаях, когда они названы в источнике не «дво-

<sup>25</sup> ГВНП. С. 174.

рянами», а софьянами, биричами, изветниками, подвойскими и т. п. В случае же упоминания в источнике именно «дворян» всегда остается вероятность, что речь идет не о новгородских дворянах, а о дворянах великого князя, дворянах великокняжеского наместника или о дворянах служилых князей Новгорода.

В договорах Новгорода с великими князьями подробно разграничиваются полномочия княжеских и собственно новгородских представителей власти. Так, например, в грамоте Новгорода к тверскому великому князю Михаилу Ярославичу: «А судиям твоим ездити по волости, куда пошло, лете с Петрова дни, по пошлине»<sup>26</sup>. Там же: «А се волости новгородския: Волок с всеми волостями, а държати ти свои тиун на половине, а новгородец на половине в всей волости Волочки; а на Търъжку ти, княже, държати свои тиун на своей части, а новгородец на своей части»<sup>27</sup>.

В летописях перечисляются и волости, отданные «в кормление» **служилым князьям**. В 1383 г. «в Новъгород приихаша князь Патрикий Наримантович, и прияша его навгородци, и даша ему кормление: Орехов город, Корельский город, и полКопорья города и Луское село»<sup>28</sup>. Сам термин «кормление» подразумевает, что собранные с этих волостей подати тратились на прокорм князя и его двора, войска.

В волостях, отданных «в кормление» служилым князьям, роль судей и судебных исполнителей, видимо, выполняли дворяне служилых князей — шестники, в то время как в остальных новгородских

волостях эти должности выполняли сами новгородцы, кроме случаев, специально оговоренных в договорах Новгорода с князьями.

В новгородской грамоте Коростынского мирного договора 1471 г. новгородцы пишут: «наши дворяне»: «А дворянам нашим, как пошло, погон брать: ото князя по пяти кун, а от тиуна по две куны». Но ведь у тиуна, т. е. у назначенного князем или Новгородом управляющего не может быть собственных дворян. В этом случае под формулой «наши дворяне» в договоре новгородцы подразумевают как дворян служилых князей, имеющих кормление в Новгородской земле, так и собственно новгородских дворян (различных подвойских, софьян, биричей, изветников). Далее же в договоре новгородцы пишут московской стороне «ваши дворяне»: «А дворянам вашим у купцов повоза не брать, кроме ратные вести». Здесь явно имеются в виду дворяне — люди великого князя Ивана Васильевича, служащие лично ему или его наместнику. И речь идет об ограничении произвола этих великокняжеских дворян по отношению к купцам-новгородцам. Формулировка, ограничивающая произвол княжеских дворян в Новгородской земле «повоза не брать кроме ратные вести», является традиционной для новгородско-княжеских договоров XIII-XV вв.

Основным видом деятельности — работой княжеских воинов-дворян была война. Средства для содержания княжеского войска в Новгороде дворяне получали непосредственно от своего князя либо выполняя функции судебных исполнителей или еще каких-то «чиновников» в княжеском аппарате управления. В то же

<sup>26</sup> ГВНП. № 7. С. 16-18.

<sup>27</sup> ГВНП. № 7. С. 16-18.

<sup>28</sup> НПЛ. С. 379.



время система судебных исполнителей, судя по Новгородской судной грамоте, вполне могла обойтись и без «шестников». Они, по крайней мере, к XV в., являлись уже не столько военной силой, принуждающей к исполнению закона, сколько княжескими представителями в довольно сложно устроенной и автономно работающей республиканской системе судебных приставов.

Той «работой», за которую князю и его дворянам в первую очередь шла доля от судебных и иных пошлин, была военная деятельность. Почти каждый год, а то и по нескольку раз в год практически любой князь средневековой Руси ходил со своим двором в походы. Организовать обеспечение своих дворян пищей, жильем, одеждой, справедливо вознаграждать их за труд (то есть за ратные подвиги и успешное выполнение других поручений) было обязанностью военного вождя — князя.

В Новгород князья приходили со своим двором. Возможно, со временем в личное войско новгородских князей могли влиться и жители Новгорода. Однако князья в Новгороде сменялись довольно часто. Так, за два столетия, с 1095 по 1304 гг., князья менялись 58 раз, а некоторые из них задерживались в Новгороде лишь на несколько месяцев<sup>29</sup>.

В 1304 г. «преставися князь великийи Андреи Олександрович, внук великаго Ярослава, месяца июля 27, на память святого мученика Пантелеимона, постригъся в скиму, положен бысть на Городци; а бояре его поихаша в Тферь»<sup>30</sup>. Тут четко

видно, что с тверским князем служили не новгородцы, а тверичи. После смерти князя им нечего стало делать в Новгороде, и они уехали на родину.

Учитывая, что князь уходил из Новгорода «со своим двором», мы можем с уверенностью утверждать, что подавляющее большинство княжеских дворян в Новгороде были шестниками — выходцами из других земель. Однако с той же уверенностью мы можем утверждать, что дворяне новгородского войска были в подавляющем большинстве православными и русскоязычными. Таковыми были, само собой, князья и дворы служивших Новгороду Рюриковичей. Но и приглашенные из Литвы в Новгородскую землю князья со своими приближенными если и не были православными, то, прибыв на службу, немедленно принимали православную веру.

Так, в 1265 г. бежавший из Литвы от своих врагов язычник князь Довмонт, попав во Псков, вынужден был креститься сам в православную веру и окрестить 300 пришедших с ним воинов и домочадцев. Приняв православие, он смог остаться в пределах псковской земли, а затем и стать псковским князем. Не прими он православие, он наверняка был бы убит, о чем напрямую говорит Новгородская первая летопись: Довмонт «вбегоша в Пльсков с 300 Литвы с женами и с детми, и крести я князь Святъслав с попы пльсковскими и с пльсковичи; а новгородци хотеша их исещи, но не выда их князь...»<sup>31</sup>.

В уложении князя Всеволода о церковных судах и людях в числе изгоев, о которых должна заботиться церковь, названы оставшиеся без княжеского удела, «осиро-

<sup>29</sup> Андреев В. Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989. С. 41.

<sup>30</sup> НПЛ. С. 332.

<sup>31</sup> Там же. С. 85.

тевшие» князя: «изгой трои: попов сын грамоты не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одождает; а се четвертое изгойство и себе приложим: аще князь осиротеет»<sup>32</sup>.

Псковская летопись приписывает Александру Невскому своего рода завет: «И тако клятвою извеща псковичем, глаголя: аще кто и напоследи моих племенник прибежит кто в печали или так приедет к вам пожити, а не примете, ни почьстете его акы князя, то будете окаанни и наречетася вторая жидова, распеншеи Христа»<sup>33</sup>.

Таким образом, Новгород и Псков демонстрируют свою готовность принимать князей-изгоев на службу. Князья были им необходимы как квалифицированная военная сила. Причем и Псков, и Новгород были готовы принять на службу не только русских, но и литовских князей (при условии их крещения).

Талантливые князья-военачальники высоко ценились. В 1322 г. новгородцы переманили к себе псковского князя Давыда: «в Плескове бяше тогды литовский князь Давыдько; и оттоле призваша и новгородци к собе по хрестьному целованию»<sup>34</sup>, а в 1447 г. «князь Александр Василиевич (Черторыжский — А. Б.) поеха изо Пскова в Новьгород, а псковские посадники и вси мужи псковичи много ему челом биша; онъ же челобития псковьскаго не прия, зане же к Новугороду върклася; и тако поеха прочь в Петрово говение»<sup>35</sup>. После подписания Новгородом Яжелбицкого мира с Москвой в 1456 г. князь Александр уе-

хал из Новгорода. Псковичи предложили ему служить у них, но он отказался. В Псковской первой летописи подробно описан двор князя Черторыжского, отбывающий в 1456 г. из Пскова в Литву: «А двора его кованои рати боевых людей 300 человек, оприч кошовых»<sup>36</sup>. Это было довольно крупное, возможно, исключительное по силе для того времени и региона профессиональное войско, что объясняет стремление и Новгорода, и Пскова заполучить к себе на службу этого князя и его дворян.

С XIV в. приглашение новгородцами служилых князей становится постоянной практикой, не отменяющей при этом прав великого князя и его наместника. Под 1333 г. в летописи зафиксирован первый случай, когда у Новгорода появляется служилый князь из Литвы. Это был князь Наримант Гедиминович (в крещении — Глеб).

В истории Новгорода случались периоды, когда служилых князей было одновременно два. В. Л. Янин, исследовав новгородскую систему кормлений XIV-XV вв., констатирует «стремление к поддержанию двух параллельных систем, прослеживаемое по летописным текстам впервые в период с 1384 до 1397 гг. Одна система связана с Литвой, откуда происходят сменяющие один другого князья Патрикий Наримантович, Семен-Лувгень Ольгердович, Роман Федорович. Представителем другой системы является князь Роман Юрьевич, а после него князь Константин Иванович Белозерский. Если Литовские князья тяготеют к Ладоге, Корельскому городку и Орешку, а также получают половину Копорья, то Роман

<sup>32</sup> Там же. С. 487.

<sup>33</sup> ПЛ. С. 21.

<sup>34</sup> НПЛ. С. 339.

<sup>35</sup> ПЛ. С. 48.

<sup>36</sup> ПЛ. С. 58.

Юрьевич и Константин Белозерский также связаны с северо-западом: Ямом, Порховом и тем же Копорьем»<sup>37</sup>.

Таким образом, эволюция взаимоотношений «князя — Новгород» постепенно привела к тому, что общественно-политические функции князей оказались отделенными от функций военных. «За легитимность» в Новгороде в XIII-XV вв. отвечал великий князь Владимирский, через наместника взимающий с Новгорода положенную по договору дань. За военную же составляющую отвечали специально приглашенные служилые князья, приходившие в Новгород со своим двором-войском и получавшие за военную службу доходы со специально выделенных для них волостей.

Существенным представляется тот факт, что «в кормление» служилым князьям новгородцы выделяли волости, находящиеся на наиболее опасных для вражеского вторжения пограничных территориях. Князь, чтобы собирать доход с выделенных ему земель, должен был располагать там достаточно многочисленным отрядом дворян. Дворяне, проживающие в укрепленных центрах выделенных князю земель, собирающие в этих землях княжеские пошлыны, были кровно заинтересованы в защите от разграбления своего основного источника доходов. Именно служилые князья и их дворяне были теми силами быстрого реагирования, которые, как правило, успешно пресекали грабительские набеги на новгородские окраины. В случае же крупного военного вторжения служилый князь со своим двором возглавлял ополчение вверенных пригородов и

порой уничтожал или отбивал вражеское войско еще до прихода основных военных сил из Новгорода.

### Профессиональные воины новгородского войска

Если считать профессиональным воином любого человека, живущего на средства, полученные от участия в военных действиях, то профессиональными воинами можно назвать всех регулярно ходивших в походы новгородцев. Новгородцы рассматривали военное дело, прежде всего, как прибыльное, хотя и опасное предприятие. Основой прибыли было ограбление земель противника. Успешное завершение военного похода новгородские летописцы отмечают стандартной формулой: «полоня бес числа приведоша; а сами придоша здорови в Новьгород»<sup>38</sup>.

Но для большинства новгородцев война или военная служба в мирное время были не основным средством к существованию, а, скорее, общественно полезным рискованным приработком. В ходе развития производственных отношений, по мере хозяйственного освоения окружающих Новгород земель, основной акцент в получении дохода для большинства новгородцев постепенно смещался с военной деятельности на доход от эксплуатации освоенных территорий.

В приведенной ниже таблице подсчитано количество упоминаний в Новгородской первой летописи военных походов новгородского войска и количество упоминающихся там нападений соседей на новгородские земли.

<sup>37</sup> Янин В. Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV веков. М., 1998. С. 96.

<sup>38</sup> НПЛ. С. 40.

<b>Века</b>	<b>Военные походы новгородского войска</b>	<b>Нападения соседей на новгородские земли</b>
XI в.	5	2
XII в.	38	16
XIII в.	52	39
XIV в.	43	29
XV в.	13	16

Соотношение агрессивности новгородцев к агрессивности их соседей с течением времени неуклонно падает. Нельзя с определенностью утверждать, что этот показатель говорит об упадке «боевого духа» новгородцев. Мы имеем дело с летописью, а в летопись заносились только те события, которые казались составителю значительными. Незначительные, по мнению летописца, военные инциденты просто не упоминались.

Таким образом, в таблице представлено не столько соотношение реально происходивших военных столкновений, сколько то, как изменялось отношение новгородских летописцев к войне. Мы видим, какого рода события составители летописи (вероятно, выражая общее мнение новгородцев) считали наиболее важными и достойными занесения в летописный свод в каждом из столетий.

Отчетливо виден неуклонный рост интереса новгородцев к собственной безопасности и падение интереса к походам против соседей. Если многочисленные пограничные набеги соседей и конфликты XI в. в Новгородской первой летописи просто не фиксировались, то в XIII в. они, видимо, причиняют Новгороду наибольшее беспокойство. Общее уменьшение агрессивных действий соседей против Новгорода в XIV-XV вв. по сравнению с XIII в., видимо, связано с тем, что наряду с уменьшением «агрессивности» Новгорода

уменьшилась и «агрессивность» его соседей. Мелких набегов и стычек становится меньше — им препятствуют выстроенные межгосударственные отношения Новгорода с соседями и созданная цепь крепостей, защищающих новгородские границы. Межгосударственные отношения переходят на качественно иной уровень. Частые набеги небольших отрядов сменяются более редкими, но более разрушительными и опасными походами крупных, хорошо организованных военных формирований. Числа на XV в. меньше не из-за меньшей частоты столкновений, сравнительно с XIV в., а из-за неполноты сведений за XV в. в Новгородской первой летописи.

Судя по летописным сообщениям, приоритеты Новгорода с течением времени неуклонно меняются от нападения к обороне. В XV в. сообщений о собственных военных походах и об ответных военных действиях против вторгшегося противника численно меньше, чем сообщений о вторжениях противника и о причиненном им уроне. Возможно, в этот период имеет место уже не только фиксация большего внимания на собственных потерях, но и реальное падение боеспособности новгородского войска, уже не справляющегося с задачей отражения любой иноземной агрессии.

Боярам и другим состоятельным новгородцам по мере развития региональ-

ной экономики всё выгоднее становилось вкладывать силы и средства не в войну, а в торговлю, земледелие, развитие промыслов. Если новгородец XII в. — это воин, в свободное время занимающийся ведением собственного хозяйства, то новгородец XIV-XV вв. — это администратор-управленец, в первую очередь уделяющий свое внимание развитию собственного хозяйства, а уж во вторую очередь — войне. Новгородцы постепенно утрачивают свои военные навыки. В XIV-XV вв. им уже в целом не выгодно воевать, рискуя собственной жизнью. Гораздо проще становится откупиться от противника денежной выплатой либо, если противник слишком несговорчив, нанять для ведения военных действий против него профессиональных военных.

С XIV в. в Новгороде появляются служилые князья. Однако еще раньше происходит формирование действительно профессиональных военных среди самих жителей Новгорода.

К профессиональным воинам, в первую очередь, относились разные категории «новгородских дворян», рассмотренные нами выше в разделе о дворянах. Эти люди на постоянной основе выполняли работу охранников и судебных исполнителей, очень близкую к военной службе, и, видимо, по своему уровню профессионализма не сильно отличались от выполнявших подобную же работу княжеских дворян. Но кроме них среди новгородцев были и другие профессиональные воины.

**Даньщиком** или даньником древнерусские письменные источники называют человека, занимающегося сбором и доставкой дани с подконтрольной ему территории. В 1169 г. «иде Даньслав Лазутиниц за

Волок даньником с дружиною; и присла Андреи пълк свои на нь, и бишася с ними, и беше новгородьц 400, а суждальц 7000)»<sup>39</sup>. Здесь во главе отряда в 400 воинов стоит сборщик дани, а возглавляемый им отряд назван дружиной. Однако, такие же ходившие за данью воины в других местах летописи называются «кметями» или «отроками». Так, под 1071 г. в Новгородской первой летописи помещен рассказ о Яне Вышатиче и волхвах: «приключися приити от Святослава Яневи, сыну Вышатины, сбирати дане. Янь же поиде сам без оружья, и реша ему отроце его: «не ходи без оружья, исьсоромят тя». Он же повеле отроком своим взяти оружие, и бе с нимъ 12 отрок, и се паки поиде к ним к лесу»<sup>40</sup>. Отроки, ходившие с Янем, — это военный отряд, служащий сборщику дани. Под 1187 г. сообщается о том, что «изъбиени быша Печерьскыи и Югорьскыи даньници, а друзии за Волоком, и паде голов о сте кметеи»<sup>41</sup>. Под 1149 г. сообщается: «идоша даньници новгородьстии в мале; и учюв Гюрги, оже в мале шли, и посла князя Берладьскаго с вои, и бивъшеся мало негде, сташа новгородьци на острове, а они противу ставше, начаша город чинити в лодьях; идоша новгородьци к ним на третии день, и бишася; и много леже обоих, нь суждальц бещисла»<sup>42</sup>.

Из приведенных цитат видно, что сбором дани занимались отряды профессиональных военных. Как показывают описанные летописцами столкновения данщиков с суздальцами, по своим военным качествам отряды новгородских во-

<sup>39</sup> НПЛ. С. 33.

<sup>40</sup> Там же. С. 192.

<sup>41</sup> Там же. С. 229.

<sup>42</sup> Там же. С. 28.



инов-данщиков превосходили военные формирования своих противников или, по крайней мере, не уступали им в профессионализме. Во главе такого собирающего дань отряда стоял боярин. Возможно, именно должность сборщика дани с одной из новгородских волостей была той должностью, получение которой превращало обычного новгородца в боярина.

У данщика в подчинении находились воины, именуемые отроками или кметями. Летописец мог назвать их «дружиной» данщика. Данщик и подчиненные ему воины были «новгородцами», то есть полноправными гражданами Новгорода. Содержались такие отряды, видимо, за счет доли от собранной дани. Военные формирования данщиков были первыми профессиональными местными воинами Новгорода, которых мы встречаем уже в источниках XI-XII века. Лично свободные воины, входившие в отряды данщиков, видимо, входили в состав новгородского ополчения в качестве полноправных новгородцев, а боярские отроки — слуги и «боевые холопы» входили в состав новгородского ополчения как военная свита своих бояр.

В договорах Новгорода с князьями отдельно оговаривалось, что дань с новгородских вотчин могут собирать только новгородцы, хотя некоторая часть этой дани все же попадала в княжескую казну в виде «подарков». Так, в грамоте Новгороду Тверскому Великому князю Михаилу Ярославичу (1304-1305 гг.) записано: «А за Волок ти, княже, своего мужа не слати, продаяти ти дань своя новгородцю»<sup>43</sup>. Из этой цитаты ясно виден механизм сбора дани. Дань продается — «на откуп». Князь

«продает», а боярин-данщик «покупает» право сбора дани с определенной территории. То есть боярин-данщик отдает князю крупную сумму денег, а взамен получает документы, удостоверяющие, что именно он, данщик, имеет право собирать с определенной территории установленную дань. Затем данщик, во главе собственного военного отряда, объезжает территорию и, собирая дань в соответствии с установленными нормами, возмещает свои убытки — уплаченную князю сумму и расходы на содержание своего военного отряда, а также получает прибыль. Видимо, таким был механизм сбора любой дани, не только княжеской, но и идущей в новгородскую казну. Особо крупные военные отряды для сбора дани направлялись в Двинскую землю и другие северные территории, что было связано с повышенной опасностью, которой подвергались данщики во время таких походов. Численность войска, отправлявшегося ежегодно для сбора дани в Двинскую землю, известна нам из летописного сообщения о том, что в 1169 г. «новгородци совещающеся на Двину данника своего, дани собирати, яко же бе им обычай, и с ним послаша от пяти конец по сту мужу»<sup>44</sup>. В Новгородской первой летописи сообщается об отправке в 1169 г. в Заволочье за данью 400 воинов<sup>45</sup>. В более обжитых землях сбор дани тоже не был совершенно безопасным делом и требовал определенных военных навыков и довольно крупных военных отрядов.

Если для сбора дани с одной только Двинской волости требовалось порядка 500 воинов, то общая численность отрядов

<sup>44</sup> ПСРЛ Т.I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926-1928. С. 241.

<sup>45</sup> НПЛ. С. 33.

<sup>43</sup> ГВНП. № 7. С. 16-18.

новгородских данщиков, предположительно, могла быть порядка двух тысяч воинов.

К местным профессиональным военным, таким образом, можно отнести всех гридней, кметей, отроков, находящихся на постоянной службе у новгородских бояр, а также на службе различных представителей церковной и светской власти Новгорода.

Согласно нормам средневековых отношений, любая знатная, обличенная властью персона окружала себя вооруженной свитой. В эту свиту могли входить младшие родственники знатной персоны, лично свободные воины, служащие по найму, а также вооруженные слуги и холопы. Так, в 1342 г. «Лука Валфромеев, не послушав Новаграда, митрополица благословенна и владычня, скопив с собою холопов збоев, и поеха за Волок на Двину, и постави городок Орлиц; и скопивши Емцан, и взя землю Заволочкую по Двине, все погосты на щит»<sup>46</sup>.

Перечисленные выше местные профессиональные воины на постоянной основе служили не Новгороду как государству, а частным лицам (боярам, данщикам, наместникам и т.п.) или работали судебными исполнителями — дворянами. В то же время все они, безусловно, входили в состав новгородского войска либо как военное окружение содержащих их господ, либо как свободные граждане. Именно бояре, сами имевшие достаточно высокие военные навыки, и их окружение, состоящее из профессиональных воинов, составляли костяк новгородского ополчения, были самой деятельной и эффективной его частью.

Среди местных профессиональных воинов была и еще одна категория — «заса-

ды» — **постоянные гарнизоны** построенных Новгородом укрепленных пунктов. Слово «засада» в средневековых источниках использовалось не только в смысле «гарнизон крепости», но и в принятом сейчас смысле — отряд, спрятавшийся ради того, чтобы внезапно атаковать противника. Поэтому каждый раз, встречая слово «засада» в источнике, надо обращать внимание на контекст его применения, чтобы понимать, идет ли речь о гарнизоне укрепленного пункта, или о засаде в современном смысле этого слова.

Поначалу Новгород с неохотой шел на строительство пограничных крепостей, особенно в малонаселенных районах, так как для поддержания такой крепости в состоянии боеготовности было необходимо содержать в ней на постоянной основе хотя бы небольшой военный гарнизон. В местности с достаточно многочисленным населением и развитым сельским хозяйством обеспечение гарнизона продовольствием могло быть организовано за счет местных ресурсов. Однако, на северо-западном пограничье, где основную массу населения составляли финно-угорские охотники и рыболовы, доставлять постоянное продовольственное обеспечение для гарнизона за их счет было сложно.

Показателен пример Копорской крепости. Впервые Копорье упоминается в Новгородской первой летописи под 1240 г., когда крепость была отбита у немцев. Тогда же крепость была, видимо, разрушена, так как Новгород не мог тогда обеспечить присутствия там постоянного гарнизона. В 1256 г. Копорье упоминается в летописи как обычный погост — центр волости, но не крепость. В 1279 г. по разрешению Новгорода Копорская крепость

<sup>46</sup> НПЛ. С. 335.

заново строится силами князя Дмитрия, а в следующем 1280 г. обкладывается каменными стенами<sup>47</sup> уже при помощи новгородцев. Однако, в результате конфликта князя с Новгородом, Копорье пришло в запустение. В 1296 г. новгородцам снова пришлось строить эту крепость<sup>48</sup>. Постоянный гарнизон там появился, видимо, только с XIV в., когда Копорье стало одним из мест, отдававшихся в кормление служилым князьям. Гарнизон Копорья, видимо, состоял из «шестников», причем летописями зафиксированы несколько случаев, когда крепость делили два служилых князя. Дело в том, что в XIV в. окружающая крепость территория была уже гораздо более плотно заселена. Обеспечение княжеских гарнизонов крепости, скорее всего, осуществлялось именно за счет поставок продовольствия с окрестных деревень.

В новгородских летописях есть и упоминания о гарнизоне, состоящем не из княжеских воинов. В 1234 г. «изгониша Литва Русу даждь и до торгу, и стаха рушане и засада, огнищане и гридба, а кто купец и госте, и выгнаша я опять ис посада, биющеса на поле»<sup>49</sup>. «Изгониша» — значит совершив внезапное, неожиданное нападение. Но раз нападения литовцев на Русу никто не ждал, то и устроить нападавшим засаду в современном смысле слова рушане не могли. Нам остается только трактовать в этом отрывке слово «засада» как «гарнизон крепости». Далее в летописи сообщается об отправке новгородского князя и новгородцев на помощь рушанам. Военный контингент «засады», находившейся в детинце Старой Русы в момент

нападения литовцев, не входил ни в княжеское войско, ни в новгородское ополчение. Возможно, слова «огнищане и гридба» — это более подробная расшифровка употребленного ранее термина «засада». «Огнищане» — это лица, управляющие княжеским, боярским, новгородским имуществом, в данном случае находящимся в Старой Русе и ее окрестностях. Иногда в источниках огнищане именуется тиунами. «Гридба» — это гридни — наемные воины, получающие жалование за несение службы. Скорее всего, жалование гридникам из гарнизона Старорусского детинца выплачивалось за счет самих рушан. Обеспечение военного гарнизона необходимым продовольствием и снаряжением осуществлялось, видимо, тоже за счет жителей Старой Русы и городской округи.

Факт содержания гарнизона крепости за счет местного населения подтверждается берестяной грамотой № 718. Грамота регламентирует порядок содержания «детских» в Городце Бежецком за счет местного населения: «В Городецком погородье: дани 30 гривен бежецких, черных кун 40 [гривен], меда 3 берковца, 3 яловые коровы, дара 2 гривны; (это всё, видимо, — часть дани, идущая в Новгород, а вот далее перечислено то, что платилось уже, собственно, детским — гарнизону Бежецкого Городка — *А. Б.*) детским [столько-то] гривен, 2 полоти (полоть — это половина мясной туши — *А. Б.*), горшок масла, сани, 2 попоны, 2 мешка, 2 клетчатины»<sup>50</sup>. Можно предположить, что в Городце Бежецком детских было всего двое. Это была не крупная крепость, а сторожевой наблюдательный пункт, в случае необходимости служащий укрытием для малочис-

<sup>47</sup> Там же. С. 323.

<sup>48</sup> Там же. С. 328.

<sup>49</sup> Там же. С. 283.

<sup>50</sup> Зализняк А. А. Указ. соч. С. 468-469.

ленного окрестного населения. В обязанности бежецких детских, видимо, входила текущая починка и охрана вверенного им укрепления, наблюдение за окрестностями и подача сигнала в случае вторжения войск со стороны пограничных тверских или московских земель. Кроме того, как показывают другие упоминающие детских берестяные грамоты, в обязанность детских входила еще и работа в качестве судебных исполнителей. Однако, работа судебных исполнителей (это следует из берестяных грамот и новгородской судной грамоты), была сдельной и оплачивалась по дополнительному тарифу, то есть сверх установленной в грамоте № 718 дани. В случае военной опасности в Городце Бежецком, несомненно, собиралось свое местное ополчение, а мирные жители и их движимое имущество укрывались в укреплении. Детские в этом случае, видимо, возглавляли оборону крепости. Возможно, один из них должен был отправиться в более крупный укрепленный пункт, чтобы сообщить о вторжении и попросить помощи.

В берестяной грамоте № 636, датированной 2-й половиной XIII в. сообщается: «Пришел искупник из Полоцка а рать поведае велику. А водаить пошьниц во засаду»<sup>51</sup>. Видимо, автор грамоты — начальник одного из таких пограничных гарнизонов. В связи с угрозой войны он просит доставить его гарнизону — «засаде» пшеницу. О поставках продовольствия воеводам в Порхове говорит берестяная грамота № 540, датированная началом XV в: «Господину [бьют челом] твои крестьяне дубляне. Здесь за нас [Иван (Степан и т.п.)] твой договорился в Порхове с воеводами о [поставке] трех коробей овса и тем самым

довел [размер поставок] до... (вероятно, десяти коробей)»<sup>52</sup>. Воеводы, упоминаемые в письме, видимо, имели средства для закупки у управляющего трех коробей овса (возможно, для прокорма лошадей) либо имели административные рычаги давления на управляющего. Эта грамота подтверждает факт снабжения военного гарнизона местными жителями. Крестьяне пишут жалобу, так как опасаются, что теперь с них постоянно будут брать на 3 коробки овса больше, чем прежде, а значит, речь идет именно о постоянных поставках гарнизону, размещенному поблизости от селения.

Итак, мы можем считать установленным факт существования в Новгородской земле постоянных гарнизонов — «засад», которые содержались за счет живущего в окрестностях крепостей местного населения, находились на службе на постоянной основе и состояли из местных, профессиональных воинов.

### Молодцы-ушкунники

Дружины «молодцев» («ушкунников» московских и иных не новгородских летописей) не входили ни в новгородское ополчение, ни в княжеское войско. Это были добровольно собравшиеся в поход воины, целью которых было получение наживы от ограбления территории противника.

С точки зрения добычи средств к существованию, у нас есть все основания называть таких «молодцев» профессиональными воинами, так как они шли на войну исключительно ради добычи и, следовательно, существовали и даже наживались за

<sup>51</sup> Там же. С. 482-483.

<sup>52</sup> Там же. С. 660.



счет своей военной деятельности. В то же время ватаги «молодцев» не были постоянными военными формированиями. Как видно из летописных сообщений, крупные военные походы таких «молодцев» собирались не каждый год. Видимо, ватаги молодцев, в случае, когда планировался такой поход, каждый раз создавались заново. Такая ватага могла быть создана на основе, например, артели перевозчиков или рыболовов, уже имеющих промысловое судно и опытную команду, либо на основе другого устойчивого объединения людей, и в мирное время занимающихся достаточно опасной профессией, требующей навыков, близких к военным. Пополняться такие ватаги могли как за счет представителей городских низов, не включенных в разруб (т. е. не призванных общиной для несения военной или иной общественной службы) и поэтому не набранных в ополчение (но достаточно воинственных и желающих за счет грабежа улучшить свое положение), так и за счет младших детей из боярских семей (они могли изъявить желание отправиться на войну, но не войти в ополчение, поскольку от их семьи уже принимали участие в нем старшие родственники). В источниках эти категории именуется «молодшие» и «боярские дети» соответственно. Походы молодцев-ушкуйников, как правило, не были разбойничьими набегами. Они проходили в ходе «розмирья» и официально ведущихся военных действий Новгородской республики. «Молодцы», как правило, действовали как представители новгородского войска<sup>53</sup>.

<sup>53</sup> Подробно походы новгородских ушкуйников рассмотрены в статье: Быков А. В. Молодцы-ушкуйники, как составная часть Новгородского войска XII-XV вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Материалы научной

В 1359 г. в Золотой Орде началась «великая замятня» — период переворотов, гражданских войн и безвластия. Именно это привело к новому явлению — самостоятельным походам новгородских молодцев-ушкуйников на Волгу. Борьба между многочисленными претендентами на ордынский престол в первые годы «замятни» велась за центр волжской торговли — Сарай-Берке. Речных разбойников на волжском торговом пути, видимо, просто перестали ловить — все военные силы ханов были направлены на междоусобную борьбу за власть.

Уже через год после начала гражданской войны в Орде мы видим первый крупный поход новгородских молодцев на Волгу. В 1360 г. «взяша Новгородци Жюкотин и много бесермен посекоша, мужей и жен»<sup>54</sup>. В «низовских» летописях сообщается о том, что этот поход вызвал недовольство и среди татар, и среди русских князей: «новгородцы и Великого Новгорода ушкуйницы-разбойницы взяша град бесерменский на реце Каме, нарицаемый Жюкомень и за то прогневалися погании бесермена... И бысть съезд всем князем русьским о разбойниках на Костроме: Князь великий Дмитрий Костянтинович, брат его старейший князь Андрей, Нижнего Новгорода, князь Константин Ростовский, князь Андрей Федорович»<sup>55</sup>. Наверное, по результатам этого съезда были предприняты какие-то меры. Возможно, Новгороду даже были предъявлены претензии. Но в следующем 1361 г. в Орде произошел очеред-

конференции 15-17 ноября 2005 года. Великий Новгород 2006., С.57.

<sup>54</sup> ПСРЛ. Т.4. Ч.1. Новгородская четвертая летопись (далее НЧЛ). М., 2000. С. 289.

<sup>55</sup> ПСРЛ. Т.15. Рогожский летописец. Тверской сборник. Тверь, 2000. Стб. 69.



ной переворот. А на Руси началась борьба за великое Владимирское княжение между князьями Дмитрием Константиновичем Суздальским и Дмитрием Ивановичем Московским. И поход новгородцев на Жукотин остался безнаказанным. Именно безнаказанность стала причиной, которая привлекала в волжские походы всё большее число воинственных ушкуйников, причем не только новгородцев.

Разбойные ушкуйные походы организовывались по тому же принципу, что и прежние «официальные» походы новгородских «молодцев». Только теперь безнаказанное разграбление территории противника во время войны сменилось безнаказанным разграблением территории южных и восточных соседей, как в военное, так и в мирное время. В 1364 г. ушкуйники Александр Абакумович и Степан Ляпа доходили до Оби: «дети боярские и люди молоды, воеводы Александр Обакунович, воевавшие по Обе реки и до моря, а другая половина на верх Обе»<sup>56</sup>.

В 1366 г. «Ездиша из Новаграда люди молоды на Волгу без новгородьского слова, а воеводою Есиф Вальфромеевич, Василии Федорович, Александр Обакунович; того же лета приихаша вси здрави в Новьгород»<sup>57</sup>. Этот поход, как и многие другие походы «молодцев», возглавляют новгородские бояре. Летопись отмечает, что отправились «люди молоды» без новгородского «слова». Но для такого похода «молодцам» и не требовалось вечевого решения или официального приказа властей — подобные походы были частной инициативой. Властям было

достаточно просто не запрещать такой поход, не препятствовать ему. «И за то князь великий Дмитрии Иванович розгневался и розверже мир с новгородци, а ркя тако: «за что есте ходиле на Волгу и гости моего пограбисте много. Того же лета, на зиму, от князя изимаша Василья Даниловича с сыном на Вологде, а он ехал с Двины, а того не ведал, ни стерегься»<sup>58</sup>. Таким образом, московский князь показал, что готов начать войну с Новгородом ради прекращения грабительских походов новгородских «молодцев» на Волгу. Новгородцы не отрицали, что поход и грабеж имели место, однако оправдывались перед князем: «ходили люди молоды на Волгоу, без нашего слова, но твоих гостей не грабили, толко били бесермен; а ты нелюбие отложи от нас»<sup>59</sup>.

На следующий же год «посылаша послы новгородци к князю великому Дмитрию Ивановичю и доконцаша мир с князем великим; а князь великий отпусти Василья и сына его Ивана, и наместника своего присла в Новьгород»<sup>60</sup>.

Под 1369 г. снова встречается упоминание о походе ушкуйников: «Той же осени шло Волгою 10 оушкуев, а инии шли Камою, и биша их под Болгары»<sup>61</sup>. Летопись не уточняет, кто бил ушкуйников. Можно предположить, что после мирного договора Новгорода с Москвой в 1367 г. против ушкуйников действительно были приняты меры. Ватаги новгородских «молодцев» были распущены. Возможно, московские, владими́ро-суздальские и новгородские власти выделили какие-то

<sup>58</sup> Там же. С. 369.

<sup>59</sup> НЧЛ. С. 294.

<sup>60</sup> НПЛ. С. 369.

<sup>61</sup> НЧЛ. С. 295.

<sup>56</sup> ПСРЛ. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004. С. 121.

<sup>57</sup> НПЛ. С. 369.

силы и средства для обеспечения безопасной торговли на реках. А поход 1369 г. был походом той небольшой части новгородских «молодцев», которые не вняли уговорам и прямым запретам новгородских властей. Этих «незаконных» ушкуйников перехватили и били под Булгаром — то ли ордынские, то ли русские военные силы.

Но уже в 1371 г. ушкуйные походы на Волгу возобновляются с новой силой. Дело в том, что между Москвой и Тверью в этот момент началась борьба за Владимирский великокняжеский престол. Причем Москва прибегает в этой борьбе к незаконным силовым методам<sup>62</sup>. Михаила Тверского, утвержденного в Орде на Великий Владимирский стол, Дмитрий Московский просто не пропускает во Владимир, преградив ему дорогу своим войском. После чего Дмитрий Иванович сам идет в Орду добиваться пересмотра решения, а Михаил Тверской «воиною поиде к Костроме, и оуверноуся на Мологу и Мологу пожьже»<sup>63</sup>. Таким образом, призывавшие Новгород к соблюдению законности и к прекращению разбоя низовские князья сами творят беззаконие и развязывают междоусобную войну. В то же время территория Владимирского княжества остается спорной, не имея «хозяина». Возможно, на этой территории происходят столкновения между сторонниками московского и тверского князей. В этой ситуации новгородские ушкуйники снова устремляются на Волгу. Новгородская четвертая летопись лаконично сообщает: «И Новгородци взяли град Ярославль

и Кострому»<sup>64</sup>. Троицкая летопись, описывая эти же события, говорит об ушкуйниках: «Того же лета Новгородци из Великаго Новагорода, ушкуиници, разбоиници, събрашася и взяша Кострому»<sup>65</sup>.

Но и в этом случае новгородцы, скорее всего, ведут официальные военные действия против Михаила Тверского и поддерживают Дмитрия Московского. До нас дошла договорная грамота великого князя Дмитрия Ивановича с Новгородом о взаимной помощи, датируемая 1371-72 гг., одним из пунктов которой было «Аж будет обида со князьми литовскими или с тферьским князем с Михаилом, Новугороду всести на конь со мною со князем с великим и с моим братом со князем с Володимером с одного»<sup>66</sup>. Возможно, именно со сторонниками Твери сражались новгородские ушкуйники, отнимая у них города Владимирского княжества Ярославль и Кострому.

В 1372 г. начинается война Твери и Литвы против Москвы. Новгород, выполняя условия союзного договора, принял сторону Дмитрия Московского. Летом 1372 г. войска Тверского князя нападают на Торжок и подвергают город страшному разгрому и ограблению. Погибают или оказываются в плену многие новгородские бояре. Новгородцы ждут, что тверские и литовские войска пойдут на сам Новгород, и готовятся к отражению нападения: «того же лета копаша ров около Людина конца и Загородья и Неревьскаго конца»<sup>67</sup>. Возможно, разгром Торжка был ответом

<sup>64</sup> Там же. С. 296.

<sup>65</sup> Троицкая летопись (далее Троицк.). *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 392.

<sup>66</sup> ГВНП. С. 31.

<sup>67</sup> НПЛ. С. 372.

<sup>62</sup> Подробно суть конфликта рассмотрена: *Быков А. В., Кузьмина О. В.* Эпоха Куликовской битвы. М. 2004. С. 107-111.

<sup>63</sup> НЧЛ. С. 295.

Тверского князя на поход новгородских «молодцев» на Кострому и Ярославль в 1371 г.

В 1374 г. «идоша на низ Вяткою ушкуи-ници разбоиници, съвъкупившеся 90 уш-куев, и Вятку пограбиша, и шедше взяша Болгары, и хотеша зажещи и взяша оку-па 300 рублей и отгуду разделишася на двое, 50 ушкуев поидоша по Волзе на низ к Сараю, а 40 ушкуев идоша въверх по Волзе, и дошедше Обухова пограбиша все Засурье и Маркваш, и переехаша за Волгу лодьи, поромы и насады, павузкы и стру-гы, и прочая вся суды иссекоша, а сами по-идоша к Вятце на конех посуху, и идучи много сел по Ветлузе пограбиша»<sup>68</sup>.

Обратим внимание, что этот поход был направлен против городов и владений Золотой Орды, подчинявшихся Мамаю, в тот момент, когда все русские князья на общем съезде приняли решение не платить Орде, Мамаю дани. В Троицкой летописи этот эпизод следует непосредственно за описанием избиения мамаевых послов в Нижнем Новгороде. Поход новгородских «молодцев» 1374 г., таким образом, был новгородским вкладом в начавшуюся войну русских князей с Мамаем и его сторонниками в Орде.

Итак, мы видим, что и большинство походов «молодцев» на Волгу не были просто грабительскими походами «новгородской вольницы». Возникнув в XI-XIII вв., новгородские ватаги «молодцев» к XIV в. стали важной составной частью новгородского войска. Они действовали самостоятельно, но, как правило, находились под контролем новгородских официальных властей. Подавляющее большинство так называемых «ушкуйных», «разбойни-

чьих» походов происходило с официаль-ного одобрения новгородских властей. В большинстве известных нам случаев «молодцы», именуемые в низовских летописях «ушкуйниками», воевали за Новгород на столь же законных основаниях, как и новгородское ополчение.

Исключением, пожалуй, является поход ушкуйников на Волгу в 1375 г. Судя по сообщению Новгородской четвертой летописи, в нем участвовало около полутора тысяч ушкуйников. Во главе волжского похода новгородских «молодцев» в 1375 г. стоят не бояре и не княжеские воеводы. Вожди «молодцев» в 1375 г. — некие Прокопий и Смолянин. Поход 1375 г. на Волгу происходил в одно время с Тверской войной, в которой участвовали практически все русские князья. Новгородское войско также ходило походом на Тверь, приняв участие в осаде города.

Можно предположить, что поход Прокопия и Смолянина на Волгу начался против воли новгородских властей, но помешать походу они не смогли, так как и военные, и управленческие силы Новгорода были отвлечены на войну с Тверью. Заметим, что те «новгородцы», которые отправились в поход на Тверь, были лучшей частью новгородского войска, наиболее боеспособной и дисциплинированной, а с Прокопием в поход ушли те, кого под Тверь просто не взяли. Новгородская первая летопись о походе Прокопия вообще не упоминает, а рассказ, помещенный в Новгородской четвертой летописи, демонстрирует неодобрительное отношение летописца к участникам похода, заостря внимание на неподобающих для христиан поступках «молодцев»: разграблении православных городов

<sup>68</sup>Троицк. С. 396.

Костромы и Нижнего Новгорода, а также на продаже полона в Булгаре: «тамо полон весь крестьянский попродаша бессерменом»<sup>69</sup>. «Молодцы» Прокопия прошли «по Волзе на Низ к Сараю, гости крестьянския грабяще, а бессермены бьюще. И доидоша на оуть Волгы, близ моря, града некоего Хазыторокана, и тамо избиша лестию Хазитороканский князь, именем Салачии; и тако вси без милости побьени быша, и ни един от них не остана, а имение их все взяше безьсерменове»<sup>70</sup>. Летописец подчеркивает жестокость, бессмысленность и бесполезность похода Прокопия. Обычная концовка удачного похода в новгородских летописях — «пришли в Новгород с богатым полоном, все здоровы» — то есть, с добычей и без потерь. Финал похода Прокопия описывается в летописи прямо противоположным образом. Как заметил В. Н. Бернадский, «концовка рассказа о Прокопе подкрепляет лишним доводом мысль о том, что в основе летописных сообщений о походе Прокопа лежит самостоятельное литературное произведение, своего рода «Слово о злых разбойниках», составленное по живым воспоминаниям о событиях 1375 г. на Волге»<sup>71</sup>.

В летописях указаны явно не все походы новгородских «молодцев». Менее значительных и поэтому не занесенных в летопись походов было, видимо, гораздо больше. Причем ватаги «молодцев» формировались не только в самом Новгороде. Это отчетливо видно из следующего эпизода: в 1386 г. «приходи князь великий Дмитрии ратью к Новугороду с братом

своим с князем Володимером, держа гнев про волжан на Новьгород, и стоя в Ямнех. И ездиди владыка Алексеи и доконца мир на всей старине; а за винныи люди, за волжан, взя князь великий у Новаграда 8000 рублей. Тои же зимы ездидиша за Волок Федор посадник Тимофеевич, Тимофеи Юрьевич, а с ними боярьскийи дети, брати 5000 рублей, что возложил Новьгород на Заволочкую землю, занеже заволочане быле же на Волге»<sup>72</sup>.

Таким образом, пять из восьми тысяч штрафа, по мнению новгородцев, должны были уплатить московскому князю жители Заволочья. То есть большая часть новгородских «молодцев», ходивших на Волгу, была родом из Заволочской земли. Как заметил В. Н. Бернадский: «рассмотрение путей ушкуйников подводит к вопросу об исходной базе движения. Ею надо, по-видимому, считать не собственно новгородские земли, а Верхнее Подвинье»<sup>73</sup>. Показательно, что Лука Варфоломеевич, попытавшийся в 1342 г. подчинить себе всю Двинскую землю, основал свою крепость Орлец на реке Емец, впадающей в Двину, и «скопивши Емцан, и взя землю Заволочкую по Двине, все погосты на щит»<sup>74</sup>. Видимо, по берегам реки с характерным названием «Емец» (емец — тот, кто емлет — берет у других, т. е. грабитель или сборщик податей — А. Б.) жили самые отчаянные заволоцкие ушкуйники, которых и возглавил прибывший в Заволочье с собственным военным отрядом новгородский боярин.

Следует также отметить Вятку, неоднократно упоминающуюся в летописях

<sup>69</sup> НЧЛ. С. 305.

<sup>70</sup> Там же.

<sup>71</sup> Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л., 1961. С. 43.

<sup>72</sup> НПЛ. С. 380-381.

<sup>73</sup> Бернадский В. Н. Указ.соч. С. 47.

<sup>74</sup> НПЛ. С. 355.



в связи с ушкуйными набегами. Видимо, Заволочье и Вятская земля были своеобразной «кузницей кадров» для «ушкуйных» набегов. На этих территориях значительная часть мужского населения добывала себе пропитание, промышляя рыболовством, охотой и перевозкой грузов на многочисленных северных реках. Заволочанам и вятчанам, чтобы превратиться в ушкуйников, не надо было прилагать каких-то специальных усилий. Достаточно было взять в руки уже имеющееся оружие, сесть на уже имеющиеся речные суда и отправиться в военный поход.

Таким образом, мы видим, что молодцы-ушкуйники в XIII-XV вв. были составной частью новгородского войска, использовавшейся как дополнительная, а в отдаленных регионах и как основная военная сила. Численность отрядов молодцев-ушкуйников зависела от задач похода и от наличия добровольцев и составляла от нескольких сотен до нескольких тысяч воинов. Основным контингентом, из которого формировались подобные отряды ушкуйников, были не столько жители Новгорода или Новгородской земли, сколько жители новгородских волостей Заволочья.

### Ополченцы

#### в составе новгородского войска

Судя по упоминаниям в Новгородской первой летописи, начиная с XII в. новгородское ополчение участвует в походах чаще, чем новгородские князья. Причем ополченцы участвовали в походах в течение XII, XIII, XIV вв. в среднем каждые 2-3 года. Впрочем, тенденцию регулярного

участия новгородского ополчения в походах можно проследить уже с XI в. Многие походы новгородцев XI в. просто не упоминаются в Новгородской первой летописи, однако о них сообщают Новгородская Карамзинская, Новгородская четвертая летописи и другие источники.

Таким образом, среди новгородских ополченцев уже с XI в. формируется слой профессиональных с точки зрения опыта и экипировки воинов, остающихся при этом ополченцами по способу их призыва на военную службу.

Вызывает интерес сам термин «новгородцы». Современному человеку кажется само собой разумеющимся, что «новгородцы» — это все жители города Новгорода. Однако анализ контекста новгородских летописей позволяет нам увидеть совершенно другую картину.

Так, в 1134 г. «ходи Всеволод с новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубне опять; и на том же пути отяша посадничество у Петрила и даша Иванку Павловицю»<sup>75</sup>. То есть во время похода собралось вече, правомочное смещать и ставить посадников. Если бы в этом походе не участвовало подавляющее большинство имеющих право голоса на вече, или если бы сама процедура сбора вече вне Новгорода казалась новгородцам сомнительной, то решение о смещении посадника наверняка было бы оспорено по возвращении ополчения домой. Однако ничего подобного не происходит. Смена посадника в походе летописцем описывается как явление законное, никем впоследствии не оспаривавшееся.

В 1214 г. «Мьстислав же созвони вече на Ярославле дворе и поча звати новгородци к

<sup>75</sup> НПЛ. С. 23.



Кыеву на Всеволода на Чермьнаго. Ркоша ему новгородци: «камо, княже, очима зриши, тамо и мы главами своими вержем»<sup>76</sup>. Таким образом, Мстислав Удатный (Удалой) пригласил в поход все новгородское вече: «И поиде князь Мьстислав с новгородци к Кыеву месяца июня, на святого Феодора; и доидоша Смольньска, и бысть распря новгородцем с смолняны, и убиша новгородци смолнянина, а по князи не поидоша. Князь же Мьстислав в вече поча звати, они же не поидоша; князь же человав всех, поклонивься, поиде; новгородци же, створивьше вече о себе, почаша гадати. И рече Твьрдислав посадник: «яко, братие, страдали деди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидим по своем князи»; и тако поидоша и-Смольньска, и постигьше князя»<sup>77</sup>.

Из этого эпизода отчетливо видна **тождественность новгородского веча и новгородского ополчения**. Ополчение собирается или не собирается на вече. Вече, приняв решение, тут же отправляется в поход. «Новгородцы», которые «гадают» (принимают решение) на вече, и «новгородцы», которые выполняют это вечевое решение — одни и те же люди. Вече — это орган самоуправления новгородского ополчения. Новгородское ополчение часто является непосредственным исполнителем своих собственных вечевых решений.

В 1211 г., в то время, когда «посла князь Мьстислав Дмитра посадника на Луки с новгородци город ставити, а сам иде на Торжок блюсти волости», в Новгороде произошел пожар. «Того же лета без князя и без новгородцов в Новгороде бысть пожар велик; загореся на Рядятине ули-

ци и сторе дворов 4000 и 300, а церквии 15»<sup>78</sup>. Здесь совершенно отчетливо видно, что «новгородцы» — это не все жители Новгорода, а только та их часть, которая участвует в ополчении и ходит в походы, то есть новгородское ополчение. Также из этого отрывка видно, что уже в XIII веке в Новгороде было не менее 4300 дворов. Соответственно, даже при норме разуба 1 ополченец с 1 двора, городское ополчение Новгорода уже в этот период составило бы не менее 4300 человек.

В «Уставе Всеволода о судах, и о людях, и о мерилах торговых» упоминается специальная норма, которую необходимо было соблюдать при разделе наследства между детьми от разных жен. При разделе небольшого имущества дети от третьей и четвертой жен должны получить: «из мала живота како робичичю часть (то есть такую же часть, какую получает «робичич» — сын от рабыни — А. Б.): конь да доспех и покрут, по рассмотрению живота»<sup>79</sup>. То есть даже дети от 3-й и 4-й жен «новгородцев» и даже дети «новгородца» от рабыни должны были в наследство получить хотя бы коня и доспех.

Конь и доспехи, таким образом, являются непременно атрибутами полноправного гражданина — «новгородца», который участвует и в вечевом собрании, и в походах новгородского ополчения.

Однако, если «новгородцами» летописи называют не всех жителей Новгорода, то возникает вопрос: кто именно считался «новгородцем»?

Ответ могут дать отрывки из летописей, в которых перечисляются «новгородцы». В 1166 г. «на зиму, прииде Ростислав

<sup>76</sup> Там же. С. 251.

<sup>77</sup> Там же. С. 53.

<sup>78</sup> Там же. С. 249-250.

<sup>79</sup> Там же. С. 488.

ис Киева на Луки, и позва новгородци на поряд: огнищаны, и гридьбу, и купце вятьшии»<sup>80</sup>. «Огнищанин», по Русской правде, — это слуга князя, отвечающий перед князем за сохранность княжеского имущества. Таким образом, огнищане — это княжеские сборщики дани (даньщики), тиуны, другие управляющие княжеским имуществом или сбором княжеских податей чиновники. Возможно, огнищанином в XI-XII вв. могли считать и посадника, ведь посадники в это время ставились именно князем. Лишь позднее должность посадника становится выборной на вече. В Новгороде функцию княжьих огнищан выполняли новгородские бояре.

«Гридьба» — это профессиональные воины, те самые, которым с X в. платится жалование за службу. А «купцы вятьшии» — это наиболее состоятельные из новгородских торговцев. Все вышеперечисленные входят в число летописных «новгородцев», но это не означает, что ими список новгородцев исчерпан. Вспомним, что в приведенном отрывке князь вызывает «новгородцев» «на поряд», то есть для заключения договора, возможно, для какого-то отчета или разбирательства. То есть он вызывает наиболее знатных представителей города, которые могут говорить от имени всего Новгорода.

Наиболее полно социальный состав новгородского ополчения можно выяснить, рассмотрев списки убитых в походе «новгородцев», которые порой приводятся в летописях. В 1200 г. «Литва взяша Ловоть и до Налюча, с Белеи и до Свинорта и до Ворча середу; и нагнашася новгородци по них и до Чернян, и бишася с ними и убиша у них муж в клине 80, а новгородец 15:

Рагуилу Прокшиница с братом Олексою, Юрья Сбыщеница, Ратмира Нежатицица, Страшка серебряника весца, Внезда Ягиница, Луку Мирошкинотрок, Микиту Лазоревица, Жирошку Огасовица, Осипа подвоискаго, Романа Потка, инех 4 муж; а полон весь отяша, а избыток убежа»<sup>81</sup>. В числе «новгородцев» летописью названы Осип подвойский — то есть судебный исполнитель, Страшок — специалист по взвешиванию серебра и «Мирошкин отрок», то есть военный слуга некоего Мирошки. Заметим, что перечисленные «профессии», видимо, были довольно доходными. «Новгородцы», участвовавшие в 1200 г. в битве с литовцами, были «силами быстрого реагирования». Они выступили из Новгорода и догнали литовцев, уходивших после разграбления южных волостей Новгорода. Эти «новгородцы» были хорошо вооружены, имели своих лошадей и свои доспехи, могли собраться и выступить в поход в один день.

Итак, самая мобильная и боеспособная часть «новгородцев» — это бояре, их отроки и «государственные служащие» города (судебные исполнители, «весцы» и т. п.).

Более широкий состав «новгородцев» представлен в описании Липицкой битвы. В войне 1216 г. речь шла не о быстром отражении грабительского набега на окраину, а о сохранении независимости Новгорода, поэтому в дальний поход отправилось, видимо, всё новгородское ополчение. Описывая победу в Липицкой битве, летописец перечисляет погибших: «на том победици Гюргевох и Ярославих вои паде бещисла, а новгородьц убиша на съступе Дмитра Пльсковитина, Онтоня котелника, Иванька Прибышиница опоньни-

<sup>80</sup> Там же. С. 219.

<sup>81</sup> Там же. С. 45.

ка; а в загоне: Иванка поповиця, Сьмьюна Петриловиця, терьскаго даньника»<sup>82</sup>. Ремесленники «котельник» и «опоньник» названы «новгородцами» наряду с профессиональным воином — «терским данником» (сборщиком дани с Терской волости — А. Б.).

Под 1234 г., описывая битву с литовцами на Дубровне, летопись сообщает о погибших в бою: «А новгородцов ту убита 10 муж: Феда Якуновица тысячкого, Гаврила щитника, Негутина с Лубяници, Нежилу серебряника, Гостилца с Кузмодемьяне улице, Федора Ума княж дечькой, другое городищанин, и иных 3 мужи»<sup>83</sup>.

Таким образом, в число «новгородцев» входят высшие должностные лица Новгорода, бояре, данщики, подвойские, городищане и другие чиновники и выборные магистраты города, а также простые ремесленники — опонники, котельники, щитники, серебрянники. Обратим внимание на то, что в последней цитате «новгородцем» назван и княжеский детский. В то же время летопись сообщает, что в походе, о котором идет речь, участвовал и князь. Это упоминание дает нам основание предположить, что Федор был уроженцем и полноправным гражданином Новгорода, участвовал в новгородских вечевых собраниях и ходил в походы в составе новгородского ополчения. Упоминание княжеского детского в ряду других «новгородцев» не противоречит другим письменным источникам. Так, в договоре Новгорода с тверским великим князем Михаилом Ярославичем (1304-1305 гг.) записано: «А волости ти, княже, новгородьских своими мужи не държати, държати ти-

мужи новгородьскими; а дар тебе от тех волости емати»<sup>84</sup>. Такая формулировка сохранилась даже в проекте договора 1471 г. с польским королем Казимиром и в Коростынском договоре Новгорода с Иваном III. В проекте договора Новгорода с Казимиром есть также следующая оговорка: «А тиуну твоему судити в одрине с новгородцкими приставаы». Но ведь, судя по берестяным грамотам и новгородской судной грамоте, княжеские детские — это один из видов судебных приставов. Исходя из этого, Федор Ума мог быть тем самым «мужем новгородским», которого князь назначил «держать волость», то есть служить судебным приставом, княжеским детским, собирать с нее судебную пошлину в пользу князя, находясь одновременно в засаде-гарнизоне в главной крепости этой волости (детинце). С другой стороны, это летописное упоминание и тексты договоров не являются достаточным основанием для того, чтобы утверждать, что все княжеские детские были «новгородцами». Вероятно, в волостях, отданных в кормление служилым князьям, эту должность занимали иноземцы — дворяне соответствующего служилого князя, а в остальных новгородских волостях княжескими детскими служили новгородцы. А возможно, княжескими назывались только детские княжеских половин тех двух волостей, которые находились в совместном управлении Новгорода и новгородского князя (Волок и Торжок).

Известие 1342 г. дает нам основание утверждать, что участвовали в ополчении и считались «новгородцами» все лица, занимающие выборные должности в Новгороде: «прислаша плесковици по-

<sup>82</sup> НПЛ. С. 57.

<sup>83</sup> Там же. С. 73.

<sup>84</sup> ГВНП. № 7. С. 16-18.

слы к Новгороду с поклоном: «идет на нас рать немечкая до полна ко Плескову; кланяемся вам, господе своеи, обороните нас». Новгородци же, не умедляще ни мала, поехаша вборзе в великую пятницу, а и инии в великую субботу, а обьчины вси попечатав»<sup>85</sup>.

Новгородцы отправились в поход за день до Пасхи. При этом они вынуждены были опечатать все собранные для праздничных братчин (пиров) продукты и деньги. Следовательно, в поход отправились все участники этих братчин и все, кто эти братчины возглавлял, собирая средства на их проведение — всё свободное взрослое мужское население Новгорода, включая выборных должностных лиц (уличанских и кончанских старост, церковных старост, попов и т. п.). Дело в том, что пасхальные братчины проходили, как правило, при церквях. Если бы попы не уходили в поход вместе с остальными «новгородцами», то не было бы смысла опечатывать **все** «общины».

Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что «новгородцами» именовались и ходили в походы в составе новгородского ополчения все (кроме монахов, женщин, детей и дряхлых стариков) лично свободные жители Новгорода, от самых состоятельных до самых небогатых. В случаях, когда не было необходимости в участии всех «новгородцев», происходил набор по какому-то пропорциональному принципу — например, определенное количество бойцов от каждой улицы. Уличанское ополчение было достаточно самостоятельной военной единицей, способной быстро вооружиться и принять участие в бою. Такой же пропорциональный

принцип мог применяться и в отношении сельского населения. Каждый сельский житель «тянул» налоговое бремя вместе с жителями своего погоста. Распределение налогового, в том числе и военного бремени как внутри сельского погоста, так и внутри городской улицы, происходило на уровне местного самоуправления.

В то же время нельзя не обращать внимания на указания источников о несении военной повинности «каждым десятым» или «каждым четвертым и пятым». Аналогичный принцип призыва на военную службу применялся в исследуемый период в Испании, Швеции, Германии.

На Руси в основе набора ополчения из сельской местности могла лежать «соха». Соха в Древней Руси была единицей налогообложения. В грамоте Новгорода о предоставлении на год черного бора с новоторжских волостей Великому князю Василию Васильевичу подробно перечисляются средства производства, приравненные к сохе: «а в соху два коня, а третье припряж; да чан кожевничской за соху; невод за соху; лавка за соху; плуг за две сохи; кузнец за соху; четыре пешци за соху; лодья за две сохи; црен за две сохи. А хто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи...»<sup>86</sup>.

Скорее всего, для распределения военной повинности использовались оба метода: представительный — определенное количество от каждой самоуправляемой единицы (улицы, села, погоста), и пропорциональный — определенное количество с десяти человек (с десяти дворов, с десяти сох). Возможно, за каждой самоуправляемой единицей было записано определенное количество «сох». Пропорционально

<sup>85</sup> НПЛ. С. 354.

<sup>86</sup> ГВНП. № 21. С. 38-39.



этому количеству сох происходил как сбор налогов, так и призыв ополченцев на военную службу или связанную с военным делом повинность — строительство крепостных стен, дорог, мостов, службу в обозе.

Пожалуй, поход, завершившийся Липицкой битвой, был последним дальним походом, в котором участвовало все новгородское ополчение. В описании связанных с Липицкой битвой событий летописцы уже четко разделяют «новгородцев» на «старших» и «молодых», однако, все «новгородцы», участвовавшие в походе на Суздальскую землю, были конными. Готовясь к атаке на противников, новгородцы «съседавьше с конь и порты съметавьше, босии, сапогы съметавьше, поскочиша; а Мьстислав поеха за ними на коних; и съступися пълк новгородский с Ярославим пълком»<sup>87</sup>.

Выделение «старших», «вятших» из общей массы новгородцев отмечалось летописцами и до XIII века. С 1154 г. летопись неоднократно упоминает «переднюю дружину» или «передних мужей». Так в 1154 г. «послаша владыку Нифонта с передними мужи к Юрьеву по сын, и введоша Мьстислава, сына Юрьева, генваря в 30»<sup>88</sup>. В 1191 г. «ходи князь Ярослав на Луку, позван полотью князью и полоцканы, и поя с собою новгородьц переднюю дружину»<sup>89</sup>. В 1193 г. новгородский владыка отправляется на поставление «с передними мужи»<sup>90</sup>. В 1197 г. «Идоша из Новагорода переднии мужи сътские и пояша Ярослава с всею правдою и чьстью»<sup>91</sup>.

<sup>87</sup> НПЛ. С. 56.

<sup>88</sup> НПЛ. С. 29.

<sup>89</sup> Там же. С. 40.

<sup>90</sup> Там же. С. 40.

<sup>91</sup> Там же. С. 43.

«Передними мужами» летопись могла назвать как передовой отряд, идущий в авангарде войска, с целью разведки, так и всех тех, кто шел непосредственно в бой в первых рядах. И в том и в другом случае это наиболее опытные, хорошо вооруженные воины на лучших конях, то есть самые знатные и состоятельные.

В тех сражениях, которые были наиболее тяжелыми и кровопролитными для новгородского войска (битва на Ждане горе 1134 г., Раковорская битва 1268 г., битва под Торжком в 1315 г.), в списке погибших непременно стоят посадники, тысяцкие, бояре. Это свидетельствует о том, что они активно сражались в первых рядах ополчения и именно поэтому погибли, несмотря на лучшее вооружение, больший профессионализм и, несомненно, помощь окружавшей их во время боя личной военной свиты.

### **Роль князя и посадника в новгородском войске**

Высшим органом власти в Новгороде являлось вече. Оно же, как мы уже показали, было главной частью новгородского войска — ополчением «новгородцев». Военная дисциплина и подчинение руководителю в войсках такого рода строятся в первую очередь не на принуждении и наказании, а на гражданской ответственности и уважении подчиненных к своим лидерам. Новгородское ополчение могло подчиняться лишь тем, кого само выбрало своим руководителем.

Вече приглашало князя, выбирало посадника и тысяцкого. Причем во всех официальных документах Новгорода посад-



ник упоминается раньше тысяцкого. Стало быть, роль посадника в управлении войском тоже была по значимости выше, чем у тысяцкого. Высшим авторитетом среди «новгородцев»-воинов пользовался, безусловно, их главный выборный вождь — посадник, а следующим по значимости был тысяцкий.

Однако князь всегда приглашался в Новгород не только как верховный судья и символ законности, но и как военачальник, приходящий с отрядом высококвалифицированных воинов-дворян. Приглашение князя в Новгород на княжение всегда означало не только военно-политический союз с ним, но и признание его как военного специалиста.

Таким образом, посадник и тысяцкий могли руководить войском в силу своего политического авторитета, а князь — в силу своей репутации военачальника, признанной новгородцами самим фактом его приглашения.

В 1134 г. «ходи Всеволод с новгородьци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубне опять; и на том же пути отяша посадництво у Петрила и даша Иванку Павловицю»<sup>92</sup>. Здесь поход возглавляет князь Всеволод, однако вече, собравшееся прямо в походе, смещает посадника. Посадник, как мы знаем, руководил всей Новгородской землей. Быть может, он не смог обеспечить строительство переправ или сбор продовольственных запасов для похода? Если «новгородцы» вынуждены были отказаться от похода, а значит и от предполагаемой военной добычи по вине посадника Петрилы, то это объясняет, почему они тут же, в походе, его переизбрали. Можно, конечно, предполо-

жить, что смещение посадника не связано с вынужденным отказом «новгородцев» от похода. Однако тогда, переизбрав его, они продолжили бы поход. Либо, если бы вина лежала на ком-то другом (например, на князе, или на тысяцком), то это вызвало бы попытки смещения тысяцкого или князя. Князю, как мы увидим далее, по результатам походов 1134-1135 гг. также предъявлялись претензии, однако в неудаче первого похода 1134 г. он обвинен не был, хотя явно его возглавлял.

Стремление «новгородцев» отправиться в поход на Суздаль было так велико, что поход все же состоялся. После окончания летней и осенней распутицы (на сухопутном пути из Новгорода в Суздаль расположено множество рек, озер и болот), видимо, дождавшись, когда новый посадник сделает необходимые приготовления к походу, «на зиму, иде Всеволод на Суждаль ратью, и **вся Новгородская область**, месяца декабря в 31»<sup>93</sup>...

Порой в летописных описаниях походов указываются имена посадников, тысяцких и иных должностных лиц Новгорода. На основании частоты подобных упоминаний многие исследователи пытались делать выводы о том, какое же должностное лицо обычно возглавляло ту или иную часть новгородского войска. Однако летопись фиксирует события необычные, экстраординарные. События же само собой разумеющиеся в летописи, как правило, не находят отражения. Летописцу нет никакой необходимости перечислять тех должностных лиц, которые находились во главе военных отрядов в соответствии с законом или сложившимся обычаем. Именно поэтому летопись, сообщая о

<sup>92</sup> НПЛ. С. 23.

<sup>93</sup> НПЛ. С. 23.

походе «всей Новгородской области», не сообщает при этом о том, кто же возглавлял ополчение всей новгородской области. Общее войско, состоящее из княжеского двора и новгородского ополчения, возглавлял князь Всеволод. А городское ополчение, ополчения пригородов (зависимых от Новгорода городов) и всё в целом ополчение новгородской области возглавляли те, кто и всегда, — те, кому это положено по должности. Именно поэтому их имена не упоминаются в летописи. Новгородскому летописцу достаточно было написать «вся Новгородская область», чтобы знакомые с контекстом тогдашней новгородской жизни люди поняли, кто же и какое место занимал в этом воинстве. Нам же придется вникать в этот контекст, исходя из общей логики дошедших до нас документов и из дополнительных пояснений, которые встречаются в некоторых летописных сообщениях.

Мы уже видели, что в предыдущем походе был на вече смещен посадник Петрила Микульчич, причем это не вызвало впоследствии каких-либо протестов. Видимо, в первом походе, как и во втором, в состав войска входило не только ополчение самого Новгорода, но и ополчение всей новгородской области. (Вообще, стоит заметить, что иногда под словом «новгородцы» летописец обобщал не только жителей города, но и жителей всей Новгородской области, что порой видно из контекста летописных сообщений).

В первом походе мы увидели, что, хотя посадник не назван главой общеобластного ополчения, он легитимно смещен с должности именно областным ополчением, т. е. теми, кто его выбирал. И тут же, на месте, избран другой посадник. То есть

произошел не бунт, не незаконное смещение с должности. Произошла рутинная замена одного посадника на другого, которая законным образом была возможна только при присутствии на выборах подавляющего большинства избирателей.

В конце же второго похода: «бишася на Ждани горе, и много ся зла створи: и убиша посадника новгородьскаго Иванка, мужа храбра зело, месяца генъваря в 26, и Петрила Микульциця и много добрых муж, а суждальц боле; и створше мир, придоша опять»<sup>94</sup>.

Мы видим, что в конце похода погиб посадник Иванко Павлович, хотя он и не был указан как участник похода. Но он был не указан именно потому, что подразумевался как участник похода, находящийся во главе ополчения всей новгородской области. А смещенный прежде, бывший посадник Петр Микульчич участвовал в походе как один из новгородцев-ополченцев.

В 1136 г. «новгородьци призваша пльсковичь и ладожаны и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода... А се вины его творяху: 1, не блюдет смерд; 2, «чему хотел еси сести Переяславли»; 3-е, «ехал еси с пълку переди всех, а на то много; на початыи велев ны, рече, к Всеволоду приступите, а паки отступити велит»<sup>95</sup>.

Нас сейчас интересует третья, самая незначительная из «вин» князя, которая сама по себе не привела к его немедленному смещению после зимнего похода 1134-1135 гг., но и не забылась — при случае была присовокуплена к списку «вин». Итак, князю не вменяют в вину неудачный поход в начале 1134 г. За то, что поход не состоялся, был наказан посадник Петрила

<sup>94</sup> НПЛ С. 23.

<sup>95</sup> НПЛ. С. 24.

Микульчич. Но князя обвиняют в неумелом руководстве боем во время зимнего похода 1134-1135 гг. Князь, судя по предъявленным обвинениям, осуществлял непосредственное руководство войсками во время боя (несмотря на то, что в войске присутствовал выборный глава Новгорода — посадник). Причем в ходе боя приказы князя не обсуждались — они безоговорочно выполнялись. Претензии были предъявлены лишь потом, и то не как основные, а как дополнительные. Таким образом, именно князь безоговорочно признавался верховным главнокомандующим новгородского войска.

### Роль тысяцкого

В одном случае в источниках сообщается, что отправленным в поход войском новгородцев руководил один воевода, а в другом — несколько: три, пять, даже тринадцать. Формально воеводой можно назвать любого руководителя более-менее крупного военного отряда. С этой точки зрения воеводой является любой боярин, выступивший в поход в окружении своей военной свиты: родственников, телохранителей, вооруженных слуг и наемных воинов. Поэтому, описывая любой крупный поход, летописец мог указать то количество воевод, которое счел необходимым. Если в источнике указано определенное количество воевод, то из этого вовсе не следует, что войско двигалось или участвовало в военных действиях именно таким количеством отдельных самостоятельных отрядов. В то же время нельзя считать число упоминаемых воевод явлением случайным и произвольным. Очевидно,

существует какая-то связь между количеством упоминаемых воевод и реальной организационной структурой войска, но только на основании числа указанных в летописях воевод восстановить организационную структуру новгородского войска невозможно.

В источниках упоминаются также «сотни» и «тысяча» — как элементы организационной структуры новгородского войска и новгородского общества в целом. Как считает подробно рассматривавший этот вопрос А. А. Горский: «То, что зарождение десятичной системы относится к доклассовому обществу, не вызывает сомнений... Для германцев и славян была характерна ломка племенной структуры накануне складывания раннесредневековых государств. Представляется, что именно с этой ломкой, в ходе которой «старые» племена (с кровнородственными связями в основе) сменились территориальными образованиями — племенными княжествами и союзами племенных княжеств, связано появление десятичного деления общества. По-видимому, «тысячей» именовалась военная организация племенного княжества. О связи «тысяч» именно с военной организацией говорит тесная соотнесенность этого понятия с понятием «воевода»: «воеводство держащую Киевскую тысящу Яневи»<sup>96</sup>; «воеводство тогда держащую тысящу Киевскую Ивану Славновичю»<sup>97</sup>.

Первое упоминание о новгородской тысяче относится к восстанию новгородцев против варягов в 1015 году: «князь Ярослав разгневался на гражаны, и собравой славны тысящу, и, обольстив их, исе-

<sup>96</sup> ПСРЛ. Т. I. Лаврентьевская летопись. Л. 1926-1928. Стб. 208.

<sup>97</sup> Там же. Стб. 457.

че, иже бяху Варягы ти исекле; а друзии бежаша из града»<sup>98</sup>.

Наиболее развернутое упоминание о сотнях мы встречаем в «Уставе о мостех», причем сотни там явно не привязаны к местности. Названия сотен связаны с именами — видимо, с именами сотников. Однако, несмотря на экстерриториальность новгородских сотен, на них, наравне с улицами, возложена обязанность по поддержанию в порядке мостовых. В договорной грамоте Новгорода с Тверским князем Михаилом Ярославичем порядок освобождения княжеских «закладников» в Торжке определяется следующим образом: «А что закладников в Торжку или инде, или за тобою, или за княгынею, или за мужи твоими: кто купец, поидет в свое сто; а смерд придет в свои погост; тако пошло в Новгороде, отпусти их прочь»<sup>99</sup>. Это прямое указание самих новгородцев на то, что городские жители в Новгородской земле несли тягло (военные и иные повинности) по сотням — так же, как смерды, сельские жители платили налоги и несли другие повинности по погостам.

Таким образом, сотня — это экстерриториальное объединение купцов, а точнее, всех горожан-новгородцев, называемых в этом документе купцами, в противоположность сельским жителям — смердам.

Новгородский тысяцкий часто упоминается в связи с решением торговых вопросов и вопросов налогообложения купечества. В то же время иностранцы в своих документах слово «тысяцкий» часто переводят, как «hertogh», то есть воевода, глава земельного ополче-

ния<sup>100</sup>. Таким образом, «тысяча», состоящая из «сотен» — это экстерриториальное объединение, имеющее одновременно и военные и торговые функции. Такое объединение функций для средневековья не выглядит чем-то противоестественным. Война и торговля в средние века шли бок о бок. А «новгородцы» видели в войне, в первую очередь, выгодное коммерческое предприятие. Новгородские воины-купцы в новгородских источниках «покручаются» на войну так же, как на торговое предприятие.

Тысяцкий при описании походов новгородцев упоминается гораздо реже, чем посадник и князь. Так, среди десятков сообщений о походах в Новгородской первой летописи встречается всего три упоминания о том, что тысяцкий отправился в поход в качестве воеводы: В 1293 году «посла великий князь Андрей князя Романа Глебовича и Юрья Мишинича, Андреяна тысяцкого, в мале новгородцов к городу свеискому...»<sup>101</sup>. В 1350 году «Ходиша новгородци воевать на Немечкую землю, с Борисовым сыном с намесътником, с тысяцким с Иваном с Федоровичем, с воеводами с Михаилом с Даниловичем, с Юрьем с Ивановичем, с Яковом с Хотовым, и придоша к городу к Выбору»<sup>102</sup>. В 1435 году «Ездиша воеводы новгородчкыи в зиме: посадник новгородчкои Иван Васильевиц, и посадник Григории Кюрилович, и тысяцкои Федор Олисиевиц, Есиф Васильевиц, Онанья Семенович, Остафеи Есифович, и бояри новгородскийи и новгородчов мно-

<sup>100</sup> Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. Прил. VI. Обращения и титулы. С. 331.

<sup>101</sup> НПЛ. С. 327-328.

<sup>102</sup> Там же. С. 362.

<sup>98</sup> НПЛ. С. 174.

<sup>99</sup> ГВНП. С. 20.



го, а с рушаны Федор Остафьев, Михаила Буиносов и порховице; и идоша триима путми, и казниша ржевиц, и села вся пожгоша по Ръжеве, по плесковьскый рубеж, божию помощью приидоша в Новьгород вси здрави и с полоном»<sup>103</sup>.

Во всех процитированных отрывках тысяцкий возглавляет не новгородскую тысячу, не все городское ополчение, а какую-то его часть и, таким образом, выступает не в качестве тысяцкого, а в качестве военачальника одного из отрядов, который к тому же является (а, возможно, в прошлом являлся) новгородским тысяцким.

В то же время в стандартном описании отправляющихся в поход новгородцев тысяцкий не упоминается. Но ведь и сотские вовсе не упоминаются при описании походов новгородского ополчения, хотя они, безусловно, возглавляли в походе свои сотни.

Еще раз обратим внимание на то, что летописцы стремились зафиксировать необычные события, а в событиях обычных отмечали именно особенности — то, что выбивалось из обычного порядка вещей.

Участие тысяцкого в походе в качестве главы новгородского городского ополчения было для современников явлением обычным, очевидным и само собой разумеющимся. Там, где сообщается, что в поход пошли новгородцы, уже имеется в виду, что городское ополчение пошло в поход во главе с тысяцким. В то же время, если под «новгородцами» летописец подразумевает ополчение всей области, то тогда само собой разумеющимся будет и участие в этом походе новгородского посадника — как главы ополчения всей новгородской области.

Необычным и достойным отдельного примечания в летописи было лишь участие тысяцкого в походе в каком-то ином качестве, чем глава городского ополчения, что и отражено в приведенных выше примерах. В 1293 году тысяцкий выступает во главе малой части новгородцев, а не всего городского ополчения. В 1350 и 1435 гг. он выступает в качестве воеводы одного из небольших отрядов добровольцев, в ряду других таких же воевод, возглавляющих свои отряды.

В то же время участие в походе князя не было само собой разумеющимся явлением, а при походе одного только городского ополчения Новгорода, без пригородов, неочевидным было участие в таком походе посадника как главы общеобластного ополчения, что могло побудить летописца специально отметить участие посадника в таком походе.

В 1234 году, отражая нападение литовцев, «князь же с новгородьци, въседавьше в насады, а инии на коних». Мы видим стандартную формулировку, многократно используемую в летописях при описании выступления новгородцев в поход. Отдельно упоминается князь, но посадник и тысяцкий среди отправившихся в поход не упоминаются. В то же время, среди погибших в бою, которым увенчался поход, летопись называет «Феда Якуновича тысячьского»<sup>104</sup>. То есть тысяцкий участвовал в походе, как всегда выступал во главе новгородского городского ополчения. Это было обычно, и об этом летопись не упоминает. Но гибель тысяцкого в бою — явление редкое, и именно поэтому о нем сообщается в летописи.

<sup>103</sup> Там же. С. 417-418.

<sup>104</sup> Там же. С. 73.

В 1268 году «сдумавше новгородци с посадником Михаилом, призваша князя Дмитрия Александровича ис Переяславля с полкы, а по Ярослава послове послаша; и посла Ярослав в себе место Святъслава с полкы». Летопись сообщает, что в поход отправляются новгородцы, посадник и ряд князей. В то же время в Раковорской битве не только погиб посадник Михаил, но и без вести пропал тысяцкий Кондрат<sup>105</sup>. Здесь мы опять видим, что тысяцкий не упоминается при выступлении новгородцев в поход, хотя на самом деле он в походе участвует, возглавляя, в соответствии со своими обязанностями, «новгородскую тысячу» — новгородское городское ополчение.

В 1228 году «князь Ярослав... поиде в Пльсков с посадником Иванком и тысячьскыи Вячеслав». Псковичи испугались, что князь собирается расправиться с ними, и просто не пустили его в город, что князя глубоко оскорбило. Вернувшись в Новгород, Ярослав выступил на вече, упрекая псковичей: «не мыслил сем до пльскович груба ничегоже; н везл есмь был в коробьях дары: паволокы и овоц, а они мя обеществовали»<sup>106</sup>. Таким образом, здесь летопись фиксирует участие тысяцкого в заведомо мирной поездке. В летописях зафиксированы десятки упоминаний об участии новгородского тысяцкого в посольствах и переговорах. Летописцы всегда отмечали подобное участие, так как оно не было само собой разумеющимся — дипломатическая деятельность не была непосредственной обязанностью новгородского тысяцкого, но он часто привлекался к ней, в дополнение к своим основным,

обычным обязанностям главы городского ополчения и главы торгового суда, что и нашло отражение в летописях.

Ганзейские купцы, упоминая новгородского тысяцкого, именуют его либо в русской транскрипции: «tysadtzke», либо значительно чаще переводя эту должность на немецкий как «hertodh», т. е. герцог. Но в германском языке «герцог» — это именно «воевода», «военный вождь». Такой перевод термина «тысяцкий» на немецкий язык сохраняется и в ганзейских документах XV вв.<sup>107</sup> Если бы тысяцкий не выполнял в Новгороде роль военачальника или утратил бы эту роль со временем, то отчего бы ганзейские купцы упорно именовали тысяцкого именно «военачальником» даже в XV веке? Ведь они сталкивались с тысяцким не как с военачальником, а как с должностным лицом, курирующим их торговую деятельность в Новгороде. Значит, одновременно с этим, они сознавали, что основная функция этого должностного лица именно «военачальник».

Исходя из всего вышесказанного, можно утверждать, что новгородский тысяцкий возглавлял новгородское городское ополчение — тысячу, которое, собственно, и «покручалось» в походы, добывая «богатый полон». В начальный период развития новгородского войска — в XI-XII вв. в походы ходило всё новгородское ополчение. К XIII в. произошло расслоение новгородского войска на «вятших» — имеющих достаточное снаряжение для дальних походов и «молодших» — не имеющих такого снаряжения. Всё чаще в походы ходят

<sup>105</sup> Там же. С. 85-86.

<sup>106</sup> Там же. С. 66.

<sup>107</sup> *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. См. Приложение IV, табл. «Обращения и титулы».

только «вятские». В этом случае «вятских» новгородцев возглавляет, безусловно, тысяцкий. Однако у нас нет никаких упоминаний о специальной должности отдельного руководителя всех «молодших» ополченцев. Скорее всего, и они подчинялись тысяцкому в случаях, когда собиралось новгородское ополчение в полном составе.

Итак, тысяцкий стоял во главе городского ополчения, объединенного в один полк, в новгородскую «тысячу». В то же время, посадник был «главнее» тысяцкого. Именно посадник был главой новгородской администрации в пределах всей Новгородской земли. Он возглавлял объединенное ополчение всей Новгородской области, т. е. объединенное ополчение Новгорода и зависимых от него пригородов (Русы, Ладоги) и других зависимых территорий.

### **Общая структура новгородского войска**

Организационное устройство новгородского войска не было результатом воплощения в жизнь какой-то заранее задуманной умозрительной схемы или системы. Это устройство складывалось стихийно и изменялось, дополнялось по мере возникновения новых составных частей. К сожалению, дошедшие до нас источники не позволяют подробно проследить развитие во времени организационной структуры новгородского войска. Более или менее уверенно мы можем говорить об организационном устройстве новгородского войска только начиная с XIII в. О более раннем периоде можно высказать только ряд соображений:

1) Верховным военачальником новгородского войска считался князь.

2) Княжеский двор с самых первых десятилетий не был основной военной силой новгородского войска, но всегда считался его важной, жизненно необходимой составной частью. Отсутствие в Новгороде князя и его двора воспринималось новгородцами как явление опасное и временное, которое необходимо исправить, пригласив нового князя.

3) Основной составляющей новгородского войска, как по численности, так и по военной силе всегда было новгородское ополчение, которое могло участвовать в военных действиях и самостоятельно, без княжеского войска и без княжеского руководства.

4) Решения об участии ополчения в военных действиях принимались на вече, причем новгородцы XI-XII вв. считали нормальным явлением участие всего новгородского ополчения или его значительной части в качестве приглашенной наемной силы в заграничных (за пределами Новгородской земли) войнах.

Опираясь на имеющиеся у нас письменные источники для XIII-XV вв., можно построить связную модель организационного устройства новгородского войска в поздний период его существования.

Основу новгородского войска этого периода составляло конное, хорошо вооруженное новгородское ополчение, состоящее из профессиональных военных (занимающихся в мирное время деятельностью, близкой к военному делу — охранная служба, судебные приставы, сбор дани). Непосредственно к ним примыкали полупрофессионалы, не выполняю-

щие в мирное время военных задач, но способные в кратчайший срок выступить на собственных лошадях, с собственным оружием и снаряжением в поход и имеющие богатый опыт военных действий в составе новгородского конного ополчения. В «сотни» входили, видимо, не только эти, наиболее боеспособные ополченцы, но и вообще все «новгородцы», включая «молодых». Вместе эти сотни составляли новгородскую «тысячу» (в которую при полном сборе городского ополчения входило явно гораздо больше, чем тысяча воинов). Возглавлял «тысячу» новгородский тысяцкий.

В случае необходимости на помощь новгородскому городскому ополчению выступали ополчения пригородов (городов-вассалов Новгорода) для дальних походов — отборная их часть — полупрофессиональные конные воины, владеющие собственным конем, доспехом и оружием. Каждое из пригородских ополчений возглавлял свой воевода (пригородский посадник). Руководство над объединенным ополчением Новгорода и его пригородов, то есть над ополчением «всей земли (всей области) Новгородской», осуществлял новгородский посадник.

В то же время, судя по сведениям о внутриновгородских смутах, каждая улица и каждый конец Новгорода имели собственную военную организацию. Смуты возникали, как правило, по поводу того, представитель какого конца, какой стороны получит должность посадника, тысяцкого. Даже если формально в момент смуты имелся выбранный посадник, тысяцкий, сам факт смуты говорит о том, что их авторитет пошатнулся, их права

подвергаются сомнению, часть «новгородцев» им не подчиняется.

Таким образом, во внутриновгородских конфликтах мы чаще всего имеем дело со временно обезглавленной военной организацией Новгорода. При этом новгородская «тысяча», как правило, оказывается расколотой на несколько враждующих частей, влившихся в соответствующие уличанские и кончанские военные структуры. Руководят этими структурами кончанские политические лидеры. Кончанская и уличанская военная организация существовали одновременно с общеновгородской — тысячной. В то же время кончанская и уличанская организации в первую очередь создавались для самообороны и решения политических вопросов. Военная организация улиц и концов — это логичное продолжение уличанского и кончанского гражданского, хозяйственного самоуправления. Значение уличанской и кончанской военной организации значительно возрастало в периоды временной анархии.

В то же время новгородская «тысяча» и «сотни» — это, в первую очередь, элементы военной организации всего Новгорода. Значение «тысячи» и «сотен» возрастало в ходе противостояния с внешним врагом, когда «новгородцы» чувствовали себя уже не представителями отдельных, соперничающих концов, а представителями всего Новгорода. В мирной жизни тысячная и сотенная администрации также взяли на себя экстерриториальные функции. Тысяцкий отвечал за общеновгородские вопросы, которые новгородцы не могли решить в рамках улиц и концов — общегородской суд по имущественным делам, управление и взимание торговых пошлин на общеновгородском торгу, ула-



живание конфликтов при взаимодействии новгородцев с иноземными торговцами. Торгово-административная составляющая функций новгородского тысяцкого выросла, видимо, из его обязанностей во время военных походов. Мы имеем все основания для того, чтобы считать, что именно на тысяцком лежала обязанность после похода организовывать распродажу военных трофеев и производить справедливый раздел военной добычи между участвовавшими в походе ополченцами, что неизбежно делало его арбитром в случаях конфликтов между новгородцами по поводу купли-продажи этих трофеев и иных товаров.

В XII-XIII вв. происходило расслоение новгородского ополчения и ополчений пригородов. Результатом стало отделение конного ополчения — «вятших» от хуже вооруженной и менее боеспособной, но, видимо, более многочисленной массы «молодых», «пешцев». Призыв на военную службу «пешцев» был экстренной мерой и происходил лишь в случаях крайней опасности. Для дальних походов силы «пешцев» применялись редко, так как требовались большие затраты на прокорм многочисленного, медленно передвигающегося пешего войска в походе. Основным применением «пешцев» в XIII-XIV веках становится защита родного города в случае нападения на него или в случае угрозы нападения. «Пешцы» активно участвуют и в столкновениях при внутриновгородских конфликтах. Пешим ополчением, возможно, руководили уличанские или кончанские старосты. Общее руководство и над «пешцами», и над конными «новгородцами» осуществлял тысяцкий. Общее руководство над «новго-

родцами» и присоединившимися к ним ополчениями новгородских пригородов осуществлял посадник. Общее руководство над всем новгородским земельным ополчением, над собственным «двором» и над приведенным собственным войском осуществлял новгородский князь. В случае отсутствия новгородского князя его функции исполнял назначенный Новгородом военачальник — новгородский боярин или специально приглашенный служилый князь.

Такие воинские структуры, как постоянные гарнизоны, ополчения пригородов, не выступившие в общий поход, отряды «молодцев-ушкуйников» действовали, как правило, самостоятельно, вне общего новгородского полка. Порой посадник или князь (возможно, совместно, возможно, с одобрения веча) назначали таким отдельным отрядам специальных военачальников.

### Особенности XV века

К XV веку в структуре и численном составе новгородского войска происходит ряд изменений. Это были изменения не столько качественные, сколько количественные. Обкладываются камнем или строятся новые каменные крепости в Новгородской земле. На вооружении Новгорода, а, возможно, и на вооружении других крепостных гарнизонов-засад появляются пушки. Более частыми становятся сообщения о приглашении в Новгород служилых князей. Видимо, в этот период Новгороду служат одновременно не несколько десятков, как прежде, а несколько сот княжеских дворян под началом

служилых князей. Судя по дошедшим до нас упоминаниям, самым многочисленным из подобных отрядов бы полк князя Александра Черторыжского (триста человек кованой рати опричь кошевых).

Однако главным новшеством XV века стала, видимо, организация целиком конного новгородского ополчения, более многочисленного, чем прежде. Так, Жильбер де Ланнуа, побывавший в Новгороде в 1413 г., сообщает, что «все сеньоры Новгорода Великого владеют 40 тысячами конницы и бесчисленной пехотой»<sup>108</sup>. Это сообщение, не будь оно подкреплено сообщениями русских летописных источников, синхронных событиям конца XV в., можно было бы считать результатом недопонимания иностранца или результатом бахвальства, преувеличения новгородцев. Однако на подобную же численность новгородского конного ополчения под Шелонью указывают псковские, новгородские и московские летописи, описывая войну 1471 г.: «новгородци оуслышавше силу псковскую, что воюют их волости, и отрядиша воеводою Казимира, и Дмитрия сына Марфина, и инех много бояр, а около их всеи новгородской силе 40 тысящ; и поидоша на псковичь»<sup>109</sup>. Новгородский летописец приводит более реалистичную численность ополчения: «Посадники новгородские... и тысяцкие их, и бояре, и житьи, купцы и весь Великий Новгород: собравшися во едино и совокупивше рати яко 30 тысяч»<sup>110</sup>.

<sup>108</sup> Гильбер де Ланноа. Новгород и Псков в начале XV в. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до XV в. М., 1960. С. 548.

<sup>109</sup> ПЛ. С.55.

<sup>110</sup> НЧЛ. С.508.

Таким образом, мы имеем во многом совпадающие сообщения новгородских, псковских и московских летописцев о событиях 1471 года и сообщение иностранного посла от 1413 года. Эти источники сообщают нам об удивительно многочисленном (30-40 тысяч) и полностью конном новгородском ополчении XV века.

Анализ политической ситуации, сложившейся вокруг Новгорода в XV веке, показывает, что богатый город-республика, захвативший контроль над огромной территорией и важнейшей транспортной артерией, соединяющей Восточную Европу с Балтикой, оказался в этот период в крайне тяжелом положении. Его стремились подчинить два южных соседа (Литовское и Московское Великие Княжества), военная сила и подконтрольная территория которых росли год от года. Строительство каменных крепостей и приглашение служилых князей явно были недостаточной мерой для противодействия всё возрастающим силам южных соседей.

Имел ли Новгород в XV веке техническую возможность выставить сорокатысячное конное ополчение? По подсчетам современных историков, на сельской территории, учтенной в результате переписей конца XV века, в составе новгородских пятин (то есть на сельской территории собственно Новгородской Земли, без «волостей новгородских») проживало порядка 520 тысяч человек<sup>111</sup>. Конечно, подавляющее большинство этих людей были сельскими жителями, не имеющими никаких военных навыков. В то же время

<sup>111</sup> Степанова Л. Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI веков. М., 2004. С. 87; Аграрная история Северо-Запада России в XV–начале XVI вв. Т.1. Л., 1971. С. 322.

в самом Новгороде насчитывалось порядка пяти тысяч дворов, то есть проживало не менее пяти тысяч семей полноправных граждан-новгородцев, не считая живущих на дворах у некоторых зависимых людей. Таким образом, хотя мобилизационный потенциал самого города составлял, видимо, от 5 до 10 тысяч воинов (1-2 воина с каждого двора), плотно заселенная сельская округа Новгорода могла предоставить десятки тысяч годных для военной службы крестьян.

Сельские жители новгородской земли в экстренных случаях в XV веке, видимо, могли призываться в ополчение «по разрубку». Во Пскове подобная практика призыва в ополчение сельских жителей зафиксирована в летописях. Например, в 1497 году во Пскове «срубилися с 10-ти сох человек конной»<sup>112</sup> — в этом случае сельские жители Псковской земли выставляют именно конное ополчение. Призыв сельских жителей Новгородской Земли на строительство городских укреплений произошел в 1430 году: «пригон был крестианом к Новугороду город ставити, а покручале (то есть собирали, обеспечивали необходимыми для выполнения повинности инвентарем, пищей и лошадьми) 4 и 5-го»<sup>113</sup>. Видимо, такой способ призыва сельских жителей для строительства городских стен был нетипичным для Новгорода, и именно поэтому, как нетипичное явление, нашел отражение в летописи. В то же время призыв в ополчение каждого пятого или четвертого и пятого из каждых пяти или по еще какому-то подобному принципу вполне мог применяться для комплекто-

вания новгородского конного ополчения в XV веке.

Обычно при оценке мобилизационных возможностей территории делят общую численность ее населения на 5. Для конца XV века 520 тысяч жителей Новгородской Земли могли выставить не менее 100 тысяч боеспособных мужчин — тогда каждый пятый из них — это 20000 ополченцев, а если из каждых пяти на войну «покручают четвертого и пятого», как в случае с построй (постройкой?) городских стен в 1430 г., то мы получаем те самые 40000 конных ополченцев.

Возможно, такой и была максимальная норма разрубка при созыве Новгородского ополчения: «покручать 4 и 5-го» из каждых пяти боеспособных мужчин таким образом, чтобы община снабжала их лошадьми, необходимым пропитанием и оружием. В таком случае 40000 конных новгородцев могли появиться именно из этой нормы призыва сельских жителей: «покручать 4 и 5-го». Однако стоит заметить, что полный сбор такого конного ополчения был максимальным напряжением сил Новгородской республики и мог происходить только в самых экстренных случаях.

Бояре и зажиточные горожане, имевшие в деревне зависимых людей, вполне могли обеспечить конями и доспехами себя и свою военную свиту. Из берестяной грамоты № 383 мы видим, что шлем выдавался из некоего арсенала своему владельцу по приказу вышестоящего начальника: «Приказ от Романа к Пятелю. Ондреев шлем (приблица), который находится у тебя, дай Ондрею»<sup>114</sup>.

<sup>112</sup> ПЛ 3. С. 226.

<sup>113</sup> НПЛ. С. 416.

<sup>114</sup> Зализняк А. А. Указ. соч. С. 632-633.

Кроме того, более состоятельные новгородцы могли, в случае всеобщего сбора ополчения, дать оружие, доспех и коня в долг своим более бедным согражданам. Так, берестяная грамота № 750 сообщает нам о покупке доспеха в кредит: «Поклон от Степана к Потке. Дознайся на себе — ни ты мне бронь пришлеше лицом, ни ты мне окупа на брньяхо, ни ты мне на железахо куно ни серебра ни дву полот»<sup>115</sup>. В грамоте № 138, в завещании некоего Селивестра, сообщается, что Семен Яковлев должен ему доспех ценой две гривны серебра: «... У Семена Яковлева две цепи ценою в два рубля с крестом и доспехи ценою в две [гривны] серебра...»<sup>116</sup>.

Перед самой Шелонской битвой в конном ополчении Новгорода «начаша Новгородци вопити на больших людеи, которьи приехали ратью на Шолону: «оударимся ныне», коиждо глаголюще: «яз человек молодьи, испротеряхся конем и доспехом»<sup>117</sup>. То есть они кричали «ударим сегодня», каждый говорил (далее поясняя свою позицию): «я человек небогатый, сильно потратился (испротеряхся) на коня и доспех». Видимо, значительная часть молодых новгородцев была в 1471 г. для участия в походе обеспечена конем и доспехом в долг, за счет ресурсов, имевшихся у их более богатых сограждан.

Кроме того, в состав «всей новгородской силы» входили не только жители Новгорода и его ближайшей округи, но и конные ополчения новгородских пригородов.

Вообще же, практически на любой усадьбе средневекового Новгорода архе-

ологи находят элементы вооружения<sup>118</sup>. В «Уставе Всеволода о судах, и о людях, и о мерилах торговых» упоминается специальная норма, которую необходимо было соблюдать при разделе наследства между детьми от разных жен. При разделе небольшого имущества дети от третьей и четвертой жен должны получить: «из мала живота како робичичю часть (то есть такую же часть, какую получает «робич» — сын от рабыни — А. Б.): конь да доспех и покрут, по рассмотрению живота»<sup>119</sup>. То есть даже дети от 3-й и 4-й жен «новгородцев» и «робичи» должны были в наследство получить хотя бы коня и доспех.

Обеспечение сорока тысяч ополченцев лошадьми — более сложная задача. Лошадей невозможно заготовить впрок, на случай войны, как доспехи и оружие. Содержание сорока тысяч боевых лошадей представляется нам невозможным в условиях Новгорода XV века. Однако в Пространной редакции Русской Правды, записанной в Новгородской Первой летописи, есть интересная статья:

«А се о закупе. А иже у господина розньи закупы, а погубит воиньский конь, то не платити ему; но еже дал ему господин плуг и борону, от него же копу емлет, того погубившю ему, платити; аще ли господин его отшлет на свое орудие, а погубить и без него, того ему не платити»<sup>120</sup>. Эта статья регламентирует ситуацию, когда хозяин призывает для участия в военном походе своего закупа, и тот является вместе с данной ему хозяином лошадью.

<sup>118</sup> Андреев В. Ф. Об организации власти в Новгородской республике в XIV-XV вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. — Новгород, 2003. С. 18.

<sup>119</sup> НПЛ С. 488.

<sup>120</sup> НПЛ. С 285. Пространная русская правда.

<sup>115</sup> Там же. С. 530-531.

<sup>116</sup> Там же. С. 533.

<sup>117</sup> НЧЛ. С. 446-447.



Причем эта лошадь используется в походе как «воинский конь». Судя по тексту статьи, возможна была и ситуация, когда сам закуп будет отослан из похода назад, а его лошадь (выданная ему хозяином для земледелия, но в данный момент используемая на войне) останется в пользовании у хозяина, также участвующего в походе. Приведенная статья избавляет закупа от ответственности за гибель лошади, если та погибла на войне. Только в случае, если закуп допустил гибель лошади в обычное время, в ходе обычных сельских работ, он проявил нерадивость и должен тогда возместить стоимость загубленной лошади хозяину. Но за погибшую в результате военных превратностей хозяйскую лошадь закуп ничего платить хозяину не должен.

Итак, закон в Новгороде регламентирует ситуацию, когда свободные новгородцы не только сами ходили в походы, но и привлекали для участия в походах своих закупов, посаженных на обычных пахотных лошадях, в мирное время используемых в хозяйстве этих зависимых крестьян. Видимо, значительную часть сорокатысячного новгородского конного ополчения и в 1413, и в 1471 году составляли не только небогатые горожане, «впервые севшие на коней» (видимо, специально присылаемых для этого в Новгород из сельской местности), не только свободные черносотные крестьяне, прибывшие на собственных конях, но и крестьяне-закупы, обычно занимавшиеся сельскохозяйственным трудом, а в случае всеобщего ополчения прибывавшие верхом на своих пахотных лошадях (принадлежащих, при этом, их господам — кредиторам).

Эти способы комплектования ополчения объясняют нам как его многочислен-

ность, так и слабую боеспособность его значительной части. Столь многочисленное конное ополчение было, скорее, элементом устрашения, чем реальной боевой силой.

В 1434 г.: «прииха князь великой Василии Васильевич в Новьгород на святой недели, априля в 1. Тогда же на святой недели, априля в 5, выиха весь великий Новьгород ратью на поле на Заречьскую сторону к Жилотугу, а князь Василии был тогда на Городищи, и не бысть новгородцом ничего же»<sup>121</sup>.

Это была не война, а своеобразный парад, демонстрация силы перед московским князем. Причем для того, чтобы просто выехать из города в поле, на парад, новгородцы собирались 4 дня. А ведь они должны были заранее знать о приближении князя к Новгороду. Скорее всего, получив весть о приближении князя, новгородцы начали готовиться заранее и планировали уже в день его приезда встретить князя во всеоружии и продемонстрировать таким образом свою военную мощь. Тогда с 1 по 5 апреля — это не 4 дня на сборы, а 4 дня опоздания при сборе всего новгородского конного ополчения.

В 1444 г. поход новгородцев на ливонские земли был отменен, так как «по грехом нашим, начаша кони мрети в городе и по волостем велми много»<sup>122</sup>. Возможно, этот поход планировался именно как поход всего новгородского ополчения, посаженного на коней, но из-за конского мора оказалось невозможным обеспечить все ополчение лошадьми. В то же время небольшие военные отряды служилых князей Новгорода, новгородских бояр и

<sup>121</sup> НПЛ. С. 417.

<sup>122</sup> Там же. С. 424.

ополчения пограничных городков участвовали в рейдах на Ливонскую территорию. Несмотря на мор, для небольшого количества профессиональных воинов кони, видимо, нашлись.

Московский летописец сообщает, что в 1471 г. в Шелонской битве участвовали 40 тысяч конных новгородцев, причем среди них были «мастера всякие, спростарещи, шютници и гоньчары и прочии, котории родився на лошади не бывали»<sup>123</sup>. Московский летописец не упомянул ополченцев из сельской местности, возможно, потому, что не знал о крестьянском составе значительной части новгородского ополчения, а, возможно, потому, что про сельских жителей нельзя было бы однозначно сказать, что они «сроду на лошади не бывали».

Мобилизационные возможности Новгородской земли наверняка были известны московским воеводам задолго до начала похода. Скорее всего, Иван III, отправляясь в поход на Новгород, собрал под свое начало близкую, а то и превосходящую по численности армию. Это предположение не противоречит новгородским и московским летописным известиям о битве. Пять тысяч составлял только передовой отряд московского войска, встретившийся с новгородцами под Шелонью. И это был даже не весь передовой отряд, а его часть, «понеже бо в мале беху, все бо вои сущий под ними, не введуще того, пленяху места их и окрест Новагорода»<sup>124</sup>. Передовой отряд москвичей в полном составе, возможно, состоял не из пяти, а примерно из десяти тысяч

воинов<sup>125</sup>. Кроме того, сам московский князь с главными силами находился в это время в Яжелбицах. И при нем были «царевич Даньяр, и братья его, благовернии князи Юрьи, и Андрей, и Борис, и боаре их, и все воинство их»<sup>126</sup>. Судя по статусу перечисленных военачальников, численность основных сил Москвы значительно превышала численность отправленного вперед отряда Д. Холмского. Таким образом, мы можем утверждать, что общая численность московских войск, приведенных в Новгородскую землю, была сопоставима с численностью новгородского ополчения.

Многочисленность войск московского князя подтверждается еще и тем, что они двигались по новгородской земле несколькими колоннами. Это было вынужденной мерой для того, чтобы при помощи ограбления местных жителей в слабо освоенной местности обеспечить продовольствием десятки тысяч ратников московского войска. Двигаясь одной колонной, москвичи могли бы сразу дать отпор встретившемуся многочисленному войску противника. А рассредотачивающий свои силы полководец всегда рискует, что его отряды будут разбиты превосходящими силами противника поодиночке. Но в случае нехватки продовольствия полководец вынужден идти на такой риск.

Стоит обратить внимание на то, что до войны 1471 г. новгородское конное ополчение во всей своей массе ни разу

<sup>123</sup> ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV (далее — МЛС). М.-Л., 1949. С. 289.

<sup>124</sup> МЛС. С. 288-289.

<sup>125</sup> Несин М. А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. <http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin> (12.03.2014).

<sup>126</sup> МЛС. С. 288-289.

не участвовало в генеральном сражении. Никто не мог быть совершенно уверен в том, как проявит себя в деле эта огромная по тем временам конная рать. Это был своего рода стратегический «джокер» в руках новгородских политиков, элемент устрашения, который, наряду с трудностями преодоления летней дорожной распутицы и прочими проблемами логистики на протяжении почти всего XV в., защищал Новгородскую республику от прямого военного завоевания всё более агрессивными и боеспособными южными соседями.

В ходе прямого столкновения на Шелони оказалось, что реальная боеспособность конного новгородского ополчения крайне невелика. Для Ивана III это было, видимо, приятной неожиданностью (возможно, действительно воспринятой им как божье чудо), а для новгородских бояр оказалось крахом всех их прежних военно-политических расчетов.

Таким образом, все меры по усилению новгородского войска, принимавшиеся в XV в. новгородскими властями, оказались не достаточными для успешного прямого противостояния военным силам Московского княжества. До самого конца своего существования новгородское войско оставалось во многом архаичной, рыхлой структурой, складывавшейся стихийно и состоящей из:

- нескольких сотен (возможно, до двух тысяч) профессиональных воинов (княжеские и новгородские дворяне, профессиональные сборщики дани);
- нескольких тысяч (порядка пяти тысяч) «любителей» — полупрофессионалов, хорошо экипированных доспехом, оружием и обученными лошадьми, имеющих некоторый боевой опыт, иногда участвующих в военных походах, но, в целом, живущих не с военной службы (бояре, житьи, богатые купцы и, в общем, «вятские новгородцы» — состоятельные горожане Новгорода и его пригородов);
- порядка тридцати-сорока тысяч ополченцев «дилетантов», имевших минимальный военный опыт или вообще не имевших такового — простых ремесленников-горожан и сельских жителей-крестьян, вооружаемых, видимо, в долг или за счет общины и обеспеченных лишь обычными крестьянскими лошадьми, не приученными к конному бою;
- нескольких тысяч молодцев-ушкунников, перемещавшихся на речных судах (легких ушкунях или более тяжелых насадах). Значительная часть ушкунников, видимо, набиралась не из самих новгородцев, а из жителей северных новгородских волостей (Заволочья).

## Библиография

### Источники:

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гильбер де Ланноа. Новгород и Псков в начале XV в. // Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до XV в. М., 1960.

ПСРЛ Т. I. Лаврентьевская летопись. Л., 1926-1928.

ПСРЛ. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 2000.

- ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. М., 2000.  
ПСРЛ. Т.V. Вып. 2. Псковские летописи. М., 1955.  
ПСРЛ. Т.XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. Тверь., 2000.  
ПСРЛ Т. XVI. Летопись Авраамки (Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки). М., 2000.  
ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV. М.-Л., 1949.  
ПСРЛ. Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского. М., 2004.  
Новгородская судная грамота. // Памятники русского права. Вып. 2. М., 1953.  
Памятники Права Феодально раздробленной Руси (XII-XV вв.). М., 1953.  
Троицкая летопись / Приселков М. Д. М., 1950.

### **Литература:**

- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI в. Т.1. Л., 1971.  
*Андреев В. Ф.* Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989.  
*Андреев В. Ф.* Об организации власти в Новгородской республике в XIV-XV вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской Земли. Великий Новгород, 2003., С.3.  
*Бернадский В. Н.* Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.-Л., 1961.  
*Быков А. В.* Молодцы-ушкуйники, как составная часть Новгородского войска XII-XV вв. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород 2006. С.57.  
*Быков А. В., Кузьмина О. В.* Эпоха Куликовской битвы. М., 2004.  
*Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.  
*Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.  
*Кузьмина О. В.* Республика Святой Софии. М., 2008.  
*Несин М. А.* Из истории новгородского владычного дома XII — начала XVI в. Valla, Т. 4. №5. 2018. URL:<http://vallajournal.com/journal/index.php/valla/article/view/18>.  
*Несин М. А.* Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати // История военного дела: исследования и источники. — 2014. URL:<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin> (12.03.2014).  
*Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.  
*Степанова Л. Г.* Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI веков. М., 2004.  
*Янин В. Л.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII-XV веков. М., 1998.

### **Сведения об авторе**

**Быков Александр Владимирович**, кандидат исторических наук, г. Великий Новгород (Россия). Область научных интересов: военная и социальная история средневековой Руси.

E-mail: [partizan007@yandex.ru](mailto:partizan007@yandex.ru)



## STRUCTURE AND THE SIZE OF NOVGORODIAN MILITARY FORCE DURING THE XIII-XV CENTURIES

**Annotation:** This work describes the organizational and social structure of the Novgorod army of the period of the Novgorod Republic, based on the analysis of sources of the XI-XV centuries. The article examines the issue of the number and organizational structure of different parts of the Novgorodian military force, the role of the nobles and the militia in it. The article examines the composition and number of professional soldiers and militia members in the army, as well as the changes that took place in the army during the XIII-XV centuries. The question of which parts of the army

were led by the knyaz (prince), posadnik and tsysyatsky is being considered. The question of the role of military garrisons and the role of ushkuiniks in the Novgorod army is considered. The social and economic basis for the formation of a large mounted militia in the Novgorod army in the XV century is considered in detail.

**Keywords:** Novgorod the Great, military force, militia, knyaz, posadnik, tsysyatsky, sotsky (centurion), warlord, nobles, tax collector, ushkuiniks, mounted militia, troop numbers, XV century, XIV century, XIII century.

---

### References

#### Sources:

- Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. Moscow-Leningrad, 1949. (In Russian).  
*Gil'ber de Lannoa*. Novgorod i Pskov v nachale XV v. // Hrestomatija po istorii SSSR s drevnejshih vremen do XV v. Moscow, 1960. (In Russian).  
PSRL T. I. Lavrent'evskaja letopis'. Leningrad, 1926-1928. (In Russian).  
PSRL. T. III. Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov. Moscow; Leningrad, 2000. (In Russian).  
PSRL. T. IV. Ch. 1. Novgorodskaja chetvertaja letopis'. Moscow, 2000. (In Russian).  
PSRL. T.V, vyp. 2. Pskovskie letopisi. Moscow, 1955. (In Russian).  
PSRL. T. XV. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik. Tver', 2000. (In Russian).  
PSRL T. XVI. Letopis' Avraamki (Letopisnyj sbornik, imenuemyj Letopis'ju Avraamki). Moscow, 2000. (In Russian).  
PSRL. T. XXV. Moskovskij letopisnyj svod konca XV. Moscow; Leningrad, 1949. (In Russian).  
PSRL. T. XLIII. Novgorodskaja letopis' po spisku P. P. Dubrovskogo. Moscow, 2004. (In Russian).  
Novgorodskaja sudnaja gramota. // Pamjatniki russkogo prava. Vyp. 2. Moscow, 1953. (In Russian).  
Pamjatniki Prava Feodal'no razdroblennoj Rusi (XII-XV vv.). Moscow, 1953. (In Russian).  
Troickaja letopis'. Priselkov M. D. Moscow, 1950. (In Russian).

#### Researches:

- Agrarnaja Istorija Severo-Zapada Rossii v XV- nachale XVI vv. T.1. [Agricultural history of the North-West of Russia. The second half of the XV — the beginning of the XVI century. Vol. 1] Leningrad, 1971. (In Russian).

*Andreev V. F.* Severnyj strazh Rusi. Ocherki istorii srednevekovogo Novgoroda. [Northern guardian of Russia. Essays on the history of medieval Novgorod]. Leningrad, 1989. (In Russian).

*Andreev V. F.* Ob organizacii vlasti v Novgorodskoj respublike v XIV-XV vv. [On the organization of power in the Novgorod Republic in the XIV-XV centuries.] // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj Zemli. Velikij Novgorod, 2003. (In Russian).

*Bernadskij V. N.* Novgorod i Novgorodskaja zemlja v XV veke. [Novgorod and the Novgorod land in the XV century] M.-L., 1961. (In Russian).

*Bykov A.V.* Molodcy-ushkujniki, kak sostavnaja chast' Novgorodskogo vojska XII-XVvv. [Well Done-ushkuiniks, as part of the Novgorod army of the XII-XV centuries.] // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli, Velikij Novgorod 2006. (In Russian).

*Bykov A. V., Kuz'mina O. V.* Jepoha Kulikovskoj bitvy. [The epoch of the battle of Kulikovo.] Moscow, 2004. (In Russian).

*Gorskij A. A.* Drevnerusskaja družhina. [Old Russian squad] Moscow, 1989. (In Russian).

*Zalznjak A. A.* Drevnenovgorodskij dialekt. [Old Novgorod dialect] Moscow, 2004. (In Russian).

*Kuz'mina O. V.* Respublika Svjatoj Sofii. [Republic Of Saint Sophia] Moscow, 2008. (In Russian).

*Nesin M. A.* Iz istorii novgorodskogo vladychnogo doma XII — nachala XVI v. [From the history of the Novgorod house of lords of the XII-early XVI century]. Valla, T. 4. №5. 2018. URL:<http://valla-journal.com/journal/index.php/valla/article/view/187> . (In Russian).

*Nesin M. A.* Shelonskaja bitva 14 ijulja 1471 g.: k voprosu o taktike moskovskih vojsk i uchastii zasadnoj tatarskoj rati [Shelonskaya battle of July 14, 1471: on the question of the tactics of the Moscow troops and the participation of the ambush Tatar army] // Istorija voennogo dela: issledovanija i istochniki. 2014.URL: <http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin> (12.03.2014)

*Skvajrs E. R., Ferdinand S. N.* Ganza i Novgorod: jazykovye aspekty istoricheskikh kontaktov. [Hansa and Novgorod: language aspects of historical contacts]. Moscow, 2002. (In Russian).

*Stepanova L. G.* Novgorodskoe krest'janstvo na rubezhe XV–XVI vekov. [Novgorod peasantry at the turn of the XV-XVI centuries]. Moscow, 2004. (In Russian).

*Janin V. L.* Novgorod i Litva. Pogranichnye situatsii XIII-XV vekov. [The Novgorod and Lithuania. Border situations of the XIII-XV centuries]. Moscow, 1998. (In Russian).

### **About the author**

**Bykov Alexandr V.**, PhD in History, V. Novogorod (Russia).

E-mail: [partizan007@yandex.ru](mailto:partizan007@yandex.ru)